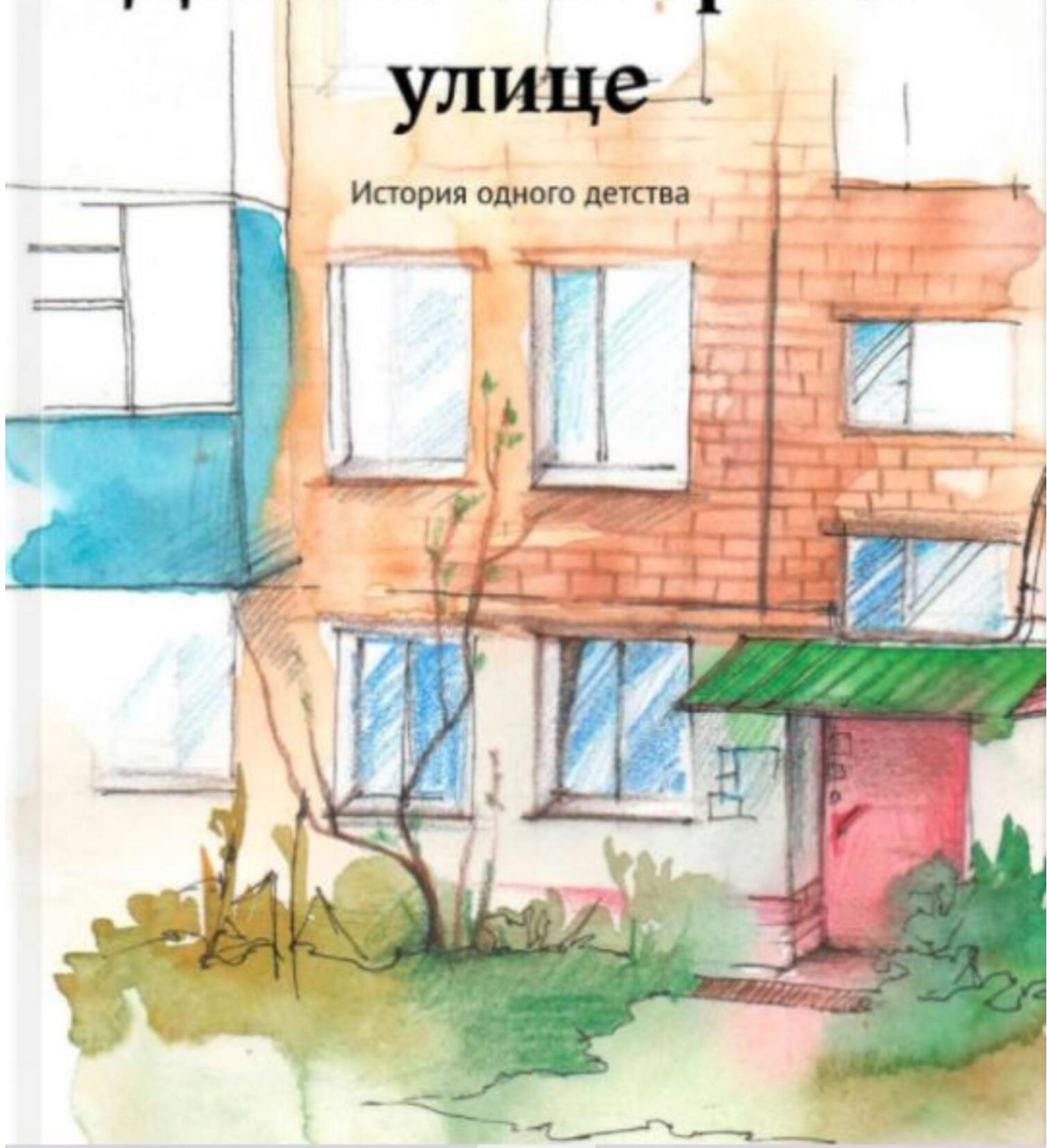

Нателла Погосян

Дом на Северной улице

История одного детства

Нателла Погосян
Дом на Северной улице

«Автор»

2023

Погосян Н.

Дом на Северной улице / Н. Погосян — «Автор», 2023

Добрые истории о детстве, пронизанные теплыми лучами солнца, пропитанные ароматом армянской долмы и вкусом медовой пахлавы. Полные волнений школьные будни и уютные тихие вечера в кругу большой дружной семьи, печали и радости маленькой девочки, неповторимая атмосфера 80-х в российской глубинке.

© Погосян Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Сила автобиографии	6
От автора	9
Глава 1. Нателла родилась	10
Глава 2. Тата Римма приехала	14
Глава 3. Дом на Северной улице	16
Глава 4. Светка	19
Глава 5. Илюшка	21
Глава 7. А из нашего окна...	24
Глава 8. Детский сад	26
Глава 9. Мотоцикл и другие неприятности	30
Глава 10. Гости из Армении	33
Глава 11. Серьезное путешествие	36
Глава 12. Ереван	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Нателла Погосян
Дом на Северной улице
Памяти моих любимых родителей посвящается

Сила автобиографии

В одной стране, которую уже не найти на карте, жила-была девочка... Стойте! Сначала она родилась. А было это так: *«В один из жарких дней во дворе маленького бревенчатого дома, заботливо укрытого от палящих лучей солнца широкими ветвями старой яблони, от которой по всему двору разливался невероятный аромат лета, молодая женщина развешивала стирку...»*

Лето 1981 года в маленьком городе Менделеевск, населенном татарами, русскими и удмуртами, на берегу реки Кама в республике Татарстан. Конторские служащие спешат домой, в воздухе разносится запах с хлебозавода... Тогда и начинается история Нателлы – героини автобиографической повести Нателлы Погосян, первой книги писательницы. Откуда же у автора из Татарстана армянская фамилия, спросите вы?

Все очень просто: в доме на Северной улице – главном месте действия – свободно уживаются все. И даже армяно-татарская семья, в которой и суждено было родиться Нателле, девочке с большими как блюдца глазами и упрямым характером.

Яркий, многонациональный колорит маленького города с первых страниц захватывает характерными персонажами: вот добрая кондукторша Валя, помогающая добраться Альфии до роддома; вот старая медсестра-татарка с золотыми полумесяцами в ушах; и наконец, отец новорожденной, красавец-армянин Гевуш, на которого сбегается посмотреть весь женский персонал роддома.

Дом и город – полноправные герои истории. Не случайно повесть названа по месту действия. Если быть совсем точными, именно чувство дома является причиной, по которой автор так любовно выписывает каждую деталь, – так в словах воскресает мир детства: любимый город, двор, подъезд квартира, люди, – мир, существующий в памяти, но с момента появления книги, по волшебным законам искусства, оживший и живущий цельной самостоятельной жизнью, став художественным изображением.

Почти все писатели, начиная свой путь, обращаются к автобиографии. «Опыт припоминания» служит необходимой основой для становления художественной манеры автора, первого опыта самоосознания через текст. Лев Толстой, Аксаков, Гарин-Михайловский, Горький, Бунин, Довлатов, Цветаева, Бунин, Улицкая, Астафьев, Петрушевская, Распутин и Абгарян. Чуть ли не без исключений мы можем взять список произведений любого известного ныне писателя и найти в нем запечатленный в повести, рассказе, романе опыт детства. Разной бывает мера дистанции автора и персонажа: кто-то почти сливается со своим героем; кто-то пытается отдалиться от прожитой им реальности, поменяв имена; у кого-то воспоминания детства складываются в зашифрованные послания-образы – как у Пушкина или Лермонтова – но при этом просвечивают во всех сюжетах.

Но, так или иначе, все тексты, созданные на автобиографическом материале, являются первоосновой творчества автора. Как правило, в них, все же минимальна дистанция между повествователем и персонажем, документализм превалирует над художественным обобщением, и такая непосредственность, открытость, «прямота» дают ценнейший материал для понимания ключевых смыслов, которые раскрываются в более сложных формах в позднейших произведениях.

Безусловно, бывает и так, что автобиографическая повесть ценна сама по себе – как свидетельство и как факт художественной рефлексии. И еще – как возможность воссоздания утраченного. «Дом на Северной улице» можно отнести как раз к таким образцам прозы.

Погружаясь в повесть Нателлы Погосян, читатель, несомненно, получит большое удовольствие от знакомства с армянским и татарским бытом, словно побывает в гостях и у Таты Риммы, и у Альфии, и придет на посиделки к соседке тете Капе. Без труда «съездит» и в пере-

строечную Москву, и в советские Ленинград и Ереван – легко переносясь по тогдашней безграничной стране Советский Союз. Пополнит свой кругозор, научившись различать множество национальных блюд и ласковых обращений. Поневоле нырнет в головокружительный аромат кухни, где готовятся хаш и долма, нарезается пахлава, заправляется кинзой баклажан и томятся помидоры в духовке.

Будут и узнаваемые приметы советского быта: слова «блат» и «достать», походы в парикмахерскую за химической завивкой, духи «Клема» и помада «Ланком» из бабушкиной косметички, общественные перемены, принесшие в Менделеевск первые бананы и джинсы. Взросление Нателлы приходится на масштабные изменения в жизни страны, и в отмечаемых ею, школьницей, мелочах, слышны отголоски больших катаклизмов.

Исторические и культурологические детали, несомненно, важны, тем более что описаны они автором с удивительной тщательностью, точно и ярко.

Но, кроме этого, в истории ценно и другое. Читающий не раз поймает себя на ностальгическом совпадении с опытом героини: первые попытки обретения самостоятельности в дошкольном возрасте, сладостные часы на диване с книжкой после наскоро сделанных уроков, борьба за место под солнцем в школьном сообществе, каникулы у бабушки, добрая помощь дедушки-мастера с порванной в подростковой потасовке дорогой курткой, прогулочные «авантюры» со старшей сестрой, холодок в животе перед серьезными испытаниями на школьных экзаменах, и первые победы, и вера в себя, и преодоления...

В чем сила автобиографического жанра? Соприкасаясь с чьим-то личным автобиографическим опытом, мы способны ощутить щемящее чувство тоски по себе самим прошлым, живущим глубоко в нас, по нашим родным и близким, которые всегда с нами, – ибо из этих мелочей состоит каждый из нас, наши жизни. В этом ценность автобиографических книг: документально рисуя жизнь конкретного человека, они показывают нам нашу общность с другими людьми, нашу схожесть друг с другом, несмотря на различия и уникальность.

Потому мы так любим читать автобиографии, погружаться в чужие жизни – через них мы погружаемся в себя и выстраиваем свой личный опыт осознания себя в жизни.

«Дом на Северной улице» – очень добрая книга. Книга о любви, о дружбе, о доме, о простых вещах здесь и сейчас.

И в непростые 20-е годы двадцать первого века, когда исторические события вновь заставляют множество людей утрачивать прежний знакомый уклад и привычные ориентиры, думается, такие «простые» книги нужны особенно. Они способны вернуть нас себе и напомнить, кто мы такие: просто люди, мечтающие о тепле очага, помнящие тепло бабушкиных ладоней, улыбку мамы и поддержку отца.

В неспешном повседневном разворачивании повседневности раскрывается удивительная красота жизни и со всей очевидностью обнаруживается простая истина – жизнь состоит из мгновений «здесь» и «сейчас». Обыденность есть высшая ценность в силу ее скоротечности и невозвратимости, и в простоте мы можем обрести то, за чем часто ошибочно мчимся к недостижимым высотам... По неведомым законам жизни, истина это раскрывается именно в утрате и невозвратимости:

«Тогда еще я не знала, что всего через несколько месяцев, когда я снова приеду домой на каникулы, в прошлом останется и наш дом на Северной улице.»

«Мы переедем в большую квартиру. Там будет целых пять комнат. Там будет огромная кухня со столовой, где нам уже не придется запинаться о громоздкий дубовый стол и стулья, будет просторный зал, где мы сможем комфортно собираться нашей большой семьей, будет отдельный кабинет, где я смогу читать книги, сидя в удобном кресле, а не на жестком балконном полу, вот только той теплоты, того уюта, того домашнего очага, что так ярко горел в нашем доме на Северной улице, не будет уже никогда...»

Этими словами повесть заканчивается. Нателла становится взрослой. Мир только распахивает перед ней свои двери. Взрослый мир. Новый. Ни она, ни читатель не знают, каким он будет для героини. Но одно известно точно: что бы ни случилось, ЧУВСТВО ДОМА, что остается за дверью, с ней отныне и навсегда, и оно навек запечатлено в этой книге: стоит только открыть любую страницу и начать читать, чтобы убедиться.

Елена Афонина, к.ф.н., редактор книги.

От автора

Когда на город опускаются сумерки, а в окнах домов загорается свет, сквозь тонкие занавески можно легко рассмотреть обстановку внутри и представить жизнь семьи, обитающей за этими окнами.

Вот бабушка вяжет в кресле, а дедушка сидит на диване и внимательно смотрит в голубой экран телевизора сквозь очки в толстой роговой оправе. За письменным столом, склонившись над кипой книг и тетрадей, на которые падает мягкий свет от настольной лампы, сидит маленькая девочка. Она учит уроки. На подоконнике дремлет белый кот, время от времени взмахивая своим мягким пушистым хвостом. В соседнем окне мама суетится на кухне: в большой эмалированной кастрюле варится суп, стол засыпан мукой, а на блестящем черном противне ровными рядами выложены пироги, которые сейчас отправятся в духовку. Здесь кипит жизнь, здесь живет большая семья.

В другом окне девушка уютно устроилась в кресле-качалке с толстой книгой. Здесь никто не смотрит телевизор и не варит на кухне борщ, здесь тихо и, должно быть, слышно, как тикают большие часы на стене. Возможно, это иногда скучно, но с улицы кажется, что девушке очень тепло и комфортно в ее милом одиночестве.

Вот следующее окно. Тут мужчина и женщина стоят друг напротив друга и что-то обсуждают. Судя по их напряженным лицам, они ссорятся и, может быть, даже кричат. Ничего, такое бывает. Сейчас они точно все выяснят, а потом наверняка пойдут на кухню ставить на плиту красный пузатый чайник со свистком, сядут пить густой черный чай с домашним тортом, который давно уже ждет своего часа в холодильнике, и будут тихо беседовать, как ни в чем не бывало.

С самого детства меня завораживали окна домов. Я обожала гулять вечерами за руку с мамой и наблюдать за сотнями жизней, таких разных и таких интересных. Как будто смотришь увлекательный фильм, только фильм этот совсем живой, настоящий, и судьбы в нем не выдуманные, а реальные.

В этой книге я хочу приоткрыть окна в наш дом, в дом моего детства, в дом на Северной улице. В дом, где жила большая семья, где были свои печали и радости, где всегда вкусно пахло едой и всегда было тепло и уютно. Я приглашаю вас побывать в моем маленьком мире, который до сих пор живет в моем сердце...

Книга основана на реальных событиях, имена некоторых персонажей изменены.

Глава 1. Нателла родилась

Лето 1981 года выдалось особенно жарким. Небольшой провинциальный городок Менделеевск, уютно расположившийся среди густых татарских лесов на самом берегу широкой реки Камы, замер в ожидании прохлады. В полуденный зной улицы города были пусты, и только бродячие кошки лениво потягивались, лежа в тени раскидистых деревьев. А уж деревьев и другой зелени здесь было предостаточно – основная часть города была застроена частными домами, каждый из которых был окружен собственным садиком, полным ярких, ароматных цветов, густых кустарников с ягодами малины, вишни, смородины и крыжовника, ветвистых яблонь. Ближе к центру города уже начали появляться новые, современные многоквартирные дома, но пока их было совсем немного.

Вечером, когда конторские служащие закончат свою работу, Менделеевск очнется от дневного сна и наполнится привычной суетой. Люди, вырвавшись из душных кабинетов, заспешат в единственный на весь город гастроном за свежей ароматной буханкой серого, только что завезенного туда с местного хлебозавода, и за палкой «Докторской», а потом, отстояв добрых полчаса в очереди и обсудив последние новости с каждым, кто встретится им на пути, разбредутся по домам. С наступлением темноты Менделеевск снова погрузится в тишину.

В один из таких жарких дней во дворе маленького бревенчатого дома, заботливо укрытого от палящих лучей солнца широкими ветвями старой яблони, от которой по всему двору разливался невероятный аромат лета, молодая женщина развешивала стирку. Подол ее легкого белого платья в мелкий цветочек был слегка подвернут, одна бретелька спала с округлого загорелого плеча. По покрасневшей от жары щеке струились капельки пота, которые она то и дело утирала свободной рукой. Длинные густые волосы ярко-каштанового цвета непослушно выбивались из наспех собранного на затылке пучка и завивались у лица мелкими колечками. Женщина тяжело дышала. Наклоняться к тазу за бельем ей было тяжело – мешал внушительных размеров живот. Женщина была на девятом месяце беременности.

– Альфия! Ты рожать еще не собираешься? – услышала она голос соседки, стоявшей по другую сторону от невысокого деревянного забора. – Живот-то какой огромный и вроде опустился уже!

– Не знаю, тетя Рай! Пока тихо, – ответила женщина и в ту же секунду почувствовала, как что-то теплое потекло по ногам, – ой, кажется, уже! Воды, что ли, отходят...

– Да ты что?? Бросай свое белье, поезжай скорее в роддом!

– Да успею, – беспечно улыбнулась Альфия, встряхивая очередную наволочку, как ни в чем ни бывало.

Она еще помнила свои первые роды, которые случились у нее в семнадцать лет и длились долгих трое суток, поэтому даже не думала торопиться.

Закончив развешивать белье, женщина неторопливо собрала оставшиеся прищепки в ведерко, вылила из таза остатки воды, одернула платье, вытерла руки о подол и пошла в дом.

Там она взяла из маленького кошелька пять копеек на билет, сунула их в карман своего ситцевого платья и пошла рожать.

Автобусная остановка располагалась недалеко от дома, и едва Альфия добралась до покосившейся таблички с номерами маршрутов, как, чинно раскачиваясь из стороны в сторону и скрипя стареньким мотором, подошел рыжий пузатый автобус, поднявший за собой целое облако пыли.

– Альфия, – приветливо окликнула ее кондукторша Валя, ловким движением руки отодвинув выдавшую виды дверцу-гармошку, – ну что, когда рожать-то пойдешь?

– Да вот, в роддом как раз и еду, – невозмутимо сообщила Альфия.

– Как?! Уже?! А что, схватки-то начались, что ли? – забеспокоилась Валя.

– Да нет вроде схваток, воды отошли вот только...

Валя ахнула, всплеснула руками и заглянула в кабинку к водителю: «Гони скорее в роддом, не останавливайся! У нас тут женщина рожает!»

Альфия вышла из автобуса и неторопливо заковыляла в сторону роддома. Вошла в приемное отделение, сказала, что собралась рожать, а там уже и схватки начались.

Ее случай сразу признали сложным: мало того, что старородящая – женщине на тот момент был 31 год, так еще и первые роды. Как выяснилось, роды, которые состоялись у нее аж тринадцать лет назад, уже не считались.

По этому поводу в роддом была вызвана опытная акушерка, давно отправившаяся на заслуженный отдых, на пенсию то есть.

Через некоторое время домой вернулся муж Альфии, высокий и статный армянский мужчина со сказочным именем Гвидон, которого близкие называли просто Гевуш.

От соседки он узнал, что жена в роддоме, и, прихватив с собой пару друзей в качестве группы поддержки, отправился следом за ней.

Стояла жара, и все окна в роддоме были открыты настежь.

– Альфияяя! – позвал Гевуш, стоя под окнами роддома.

– Ооох, – показала Альфия из окна второго этажа.

– Что? Что? Больно тебе??? – перепугался Гевуш, которому еще не доводилось видеть рожаящих женщин.

– Дааааа... – жалобно всхлипнула Альфия.

– Схватки у нее, – пояснила возникшая в окне акушерка.

– Ну, сделайте же что-нибудь, чтобы ей не было больно, – попросил Гевуш, – вытащите уже ребенка!

– Не могу, это схватки, – строго ответила акушерка и отошла от окна.

– Ой, ой, ой, а мужик-то у тебя какой красивый! – тихонько шепнула она Альфии.

Тут Альфию отпустило, и она весело заулыбалась мужу.

– Гевуш, все нормально, не переживай!

– Ну, слава Богу! – отозвался мужчина.

Передышка продлилась недолго – схватки стали чаще и сильнее, и Альфию накрыло новой волной боли.

– Ой, ой, ой, – едва слышно запричитала женщина и сползла под подоконник.

– Альфия! – позвал Самвел из группы поддержки мужа.

– А? – вылезая из-под подоконника, отозвалась Альфия, выдохнув после очередной схватки.

– А ты почему не орешь? – поинтересовался Самвел.

– А зачем мне орать? – удивилась она.

– Я не знаю, – пожал плечами Самвел, – моя Надя, когда рожала, так орала! Весь Ереван слышал...

– А что толку? Все равно же больно, еще и сил потом не будет. Нет, не буду я орать! – решительно заявила Альфия.

Наступила ночь. Гевуш нервно докуривал очередную пачку армянских «Ахтамар», когда из окна на втором этаже раздался детский плач.

– О, как кричит! Точно парень родился! – подбодрили его друзья.

– Да-а-а, не похоже на девчонку, – радостно согласился Гевуш.

В окне появилась медсестра. Пожилая татарка из деревни, сухонькая, со смуглым сморщенным лицом, напоминавшим печеное яблоко, в белом чепчике на голове и с крупными золотыми серьгами-полумесяцами в ушах, она почти не говорила по-русски, но ей велено было сообщить новоиспеченному отцу, что все хорошо, и роды прошли удачно.

– Эй-йй, – обратилась она к мужчинам, – эй-йй, егетләр! (тат. «ребята»).

- Ну что, что? – с волнением в голосе спросил Гевуш, – кто родился???
- Дипшунки! – радостно ответила медсестра, обнажив неровный ряд зубов, один из которых ярко сверкнул золотом в темноте ночи.
- Девчонки?! – напрягся мужчина, – девчонки??? А сколько их?
- Один! – медсестра подняла вверх костлявый указательный палец.
- Один?! – просиял он: – Сын, что ли? Сын?
- Юк, – замахала руками медсестра, – неет! Без кукайки!

А тем временем новорожденную уже помыли, завернули в пеленки и показали молодой маме. «Ну что за чудо! – восхищалась акушерка, – это же чудо, а не ребенок! Я таких в жизни не видала! Черные кудри до плеч, глазищи на пол-лица, щечки какие! Молодец, красивого ребенка родила своему мужику!».

На следующий день с самого утра Гевуш стоял под окнами роддома.

– Альфия! Альфияяя, – осторожно позвал он.

– Привет! – показалась в окне Альфия, улыбаясь во все лицо. Ее длинные волнистые волосы были аккуратно причесаны и собраны в хвост, подчеркивая красивый овал лица, на щеках играл легкий румянец, а зеленые глаза светились счастьем.

– Ну как? Как там? Как ребенок? На кого похож?

– Все хорошо! Красотка родилась!

– А покажи мне ее!

– Не могу, тебе сюда нельзя!

– А как посмотреть? Я очень хочу ее увидеть!

– Я спрошу, можно ли...

Через пару часов пришла медсестра, принесла девочку на кормление.

– Наш папа мечтает ребенка увидеть скорее... Как бы ему показать? – осторожно поинтересовалась у нее Альфия.

– Очень просто, – сразу согласилась медсестра, – говорят, у тебя мужик уж больно красивый. Ты скажи ему, пусть поднимется сюда к следующему кормлению, встанет у входа в отделение. Я ему ребенка покажу, а сама на него посмотрю.

– Спасибо! – обрадовалась Альфия.

А мужик, и правда, был красивым. Высокий рост, которым не мог похвастаться больше ни один мужчина в его семье, спортивная фигура – много лет занятий самбо и дзюдо не прошли даром, черные волнистые волосы (шелковые, по версии его матери), обрамлявшие по-детски круглое лицо, чуть удлиненные, но аккуратно подстриженные по последней моде баки, большие карие глаза, пристально смотревшие из-под длинных черных ресниц в самую душу, густые черные брови, придававшие еще больше смысла и без того глубокому взгляду, нос без характерной армянской горбинки, волевой подбородок с забавной ямочкой посередине. Гевуш говорил по-русски свободно, но с легким армянским акцентом, что придавало его речи особый шарм и вызывало умиление у представительниц противоположного пола. Он был очень начитан и умел поддержать интересную беседу. А как он заразительно смеялся! В его глазах зажигались озорные огоньки, рот расплывался в широкой, по-детски искренней улыбке, он хлопал ладонью по коленке, и, запрокинув голову назад, заходился от хохота. Кто мог устоять перед этим мужчиной? Альфия не смогла.

Татары говорят, чтобы Бог услышал молитвы, молиться надо на рассвете. Однажды Альфия услышала об этом от своей матери, и, будучи беременной, она исправно каждый день вставала в четыре утра и молилась, чтобы ребенок был похож на ее любимого мужчину, на Гевуша. От красивого мужика должен был родиться такой же красивый ребенок. Она так решила.

– Как назовем ребенка? – спросил Гевуш, держа в руках нарядный белый сверток с рюшами в день выписки.

– Давай назовем ее Нателлой! – предложила Альфия.

– Нателла? Грузинское имя? С чего вдруг? – удивился Гевуш. – Я хочу Риммой, в честь мамы.

– Твоя мама всегда мечтала о дочке и хотела назвать ее Нателлой, – пояснила ему жена, – она сама мне говорила. Это ее любимое имя! Так звали ее лучшую институтскую подругу.

– Да? Мама так хотела? Ну хорошо, пусть будет Нателла.

Так началась моя история.

Глава 2. Тата Римма приехала

Радостная новость о моем рождении быстро пронеслась по всей округе и долетела до солнечного Еревана – города, в котором жила моя бабушка с папиной стороны, Римма Мартиросовна. Моя Тата Римма.

– Товарищ Чубаров, – появилась она в дверях кабинета своего начальника, взволнованно сжимая в руках телеграмму от сына, – мне срочно нужен отпуск! У меня в России внучка родилась!

– Конечно, конечно, Римма Мартиросовна! Пишите заявление и поезжайте! И примите мои поздравления!

Тата Римма не дослушала. Она уже бежала по коридору к выходу из здания заводоуправления. Ей предстояло много дел до вылета: нужно было купить подарки, угощения и собираться в дорогу.

Тата Римма была невысокой брюнеткой весьма внушительного телосложения. Ей было слегка за сорок, но, даже несмотря на свой лишний вес, выглядела она очень молодо. Многие, увидев Тату Римму в первый раз, не могли поверить, что трое взрослых мужчин с ней рядом – это ее сыновья, а совсем не младшие братья.

Тата Римма жила одна в небольшой двухкомнатной квартире в спальном районе солнечного Еревана. Дети ее давно выросли и вместе с отцом уехали в Россию на заработки, а она не стала бросать любимую работу и привычный уклад и осталась дома, в Армении. В те времена это было обычным делом для армянских семей, многие ее подруги разделили ту же участь, оставшись дома, в Ереване, у опустевшего очага, довольствуясь недолгими междугородными звонками из далекой России и несчастными приездами своих мужчин домой на отдых.

Днем Тата Римма трудилась в управлении местной обувной фабрики, а вечера проводила за чашкой кофе и долгим задушевым разговором у подруги или ехала к своему косметологу на процедуры. Да, ухаживать за собой она любила и умела. Косметика от «Ланком» и электрический утюжок для лица всегда лежали в ее сумочке, в которой, к слову, было еще много всякой всячины на все случаи жизни. Тата Римма не выходила из дома, не покрыв лицо щедрым слоем пудры (она предпочитала компактную, самого светлого оттенка) и не накрасив губы яркой помадой вишневого цвета: черные волосы и белое лицо Тата Римма считала основными признаками женской красоты. И конечно аромат! Самый любимый «Клима», но иногда «Мажеуар» или «Турбуланс», для разнообразия.

Тата Римма носила длинные свободные платья, всегда черные или темно-синие, и непременно в горох. В крайнем случае, в крапинку или в малюсенький цветочек. А еще она носила парик, который с самого раннего детства вызывал у меня благоговейный трепет: прическу, которую можно снять, расчесать и снова поставить на место, встретишь нечасто. В парике Тата Римма выглядела солидно и даже строго. Без него ее лицо казалось наивным, а тонкие черные кудряшки, которые она обычно скрывала париком, делали ее похожей на ребенка.

Уладив все формальности с отпуском, Тата Римма прямиком отправилась за гостинцами. Она никогда не ездила к сыновьям с пустыми руками, но на этот раз случай был особенный, и подарков требовалось больше, чем обычно. Помимо стандартных плетеных корзин, до отказа набитых вкуснейшими армянскими продуктами, аромат которых кружил голову и соблазнял каждого, кто находился поблизости, ей предстояло купить подарки для невестки и маленькой внучки.

Для невестки Тата Римма выбрала красивую ночную сорочку и пеньюар нежного кораллового цвета, а для внучки – маленькие золотые сережки в форме цветочков, изящный детский крестик и несколько нарядных платиц.

Когда все приготовления были завершены, Тата Римма купила билет в один конец, и уже через пару дней она летела в самолете в далекий Татарстан, взволнованная своим новым статусом и счастливая в предвкушении предстоящего знакомства с первой внучкой.

В аэропорту ее встретил старший сын Гевуш, мрачный и небритый после очередной бессонной ночи, проведенной под детские крики. Одной из таких ночей, которые выпадают на долю каждого молодого отца.

Обнялись, расцеловались, уложили багаж в машину, поехали домой.

– Ну, расскажи мне, какая она? – едва сев в машину, с радостным волнением в голосе спросила сына тата Римма.

– Кто? – устало отозвался он в ответ.

– Дочка твоя! Кто еще! Нателла! – возмутилась мать.

– Аааа... Ну, ребенок как ребенок... маленькая...

– А на кого похожа? На тебя похожа?

– Нет, мам, на меня она не похожа... – тяжело вздохнул мужчина.

– А на кого? На Альфию похожа?

– Мам... На Альфию она тоже не похожа.

– Как? А на кого тогда?

– Мам, она похожа на Ильдара.

– Как?

– Вот так вот... Дядя же ее, на него и похожа!

Ильдаром звали маминого младшего брата. В отличие от моей мамы, невысокой пухленькой брюнетки, чью национальность с виду определить было довольно сложно, он был типичным татаринком, с характерными скулами и разрезом глаз. Тата Римма не то, чтобы имела что-то против Ильдара, но мое сходство с ним означало для нее одно – внучка родилась татаркой. Что скажет на это многочисленная армянская родня, друзья и знакомые? Брак сына с разведенной женщиной другой национальности и даже веры она уже как-то приняла, но ребенок непривычной для всех внешности? «Что делать, татарка так татарка, моя же внучка, наша же кровь!» – всю дорогу успокаивала себя Тата Римма.

Едва войдя в квартиру и наспех поздоровавшись с невесткой, Тата Римма сразу устремилась к детской кроватке, посмотреть на внучку.

Папа подошел к кроватке вместе с ней и расплылся в широкой улыбке в ожидании бурной реакции матери.

Из кроватки на нее своими огромными карими глазами из-под длинных черных ресниц смотрела маленькая девочка, точная копия ее сына в детстве. Даже черные кудряшки, обрамлявшие детское розовое личико, были точь-в-точь как у него. Шелковые.

– Уфффф! – с облегчением выдохнула Тата Римма и ткнула сына в бок: – Да это же наш Гевуш! Это же маленький Гевуш! Какая красавица у нас родилась! Красавица! Наша!

Теперь можно было спокойно разбирать корзины, садиться за стол и отмечать рождение внучки.

Когда приезжала в гости Тата Римма, кухня предоставлялась в ее полное распоряжение. Она сняла пальто, умылась с дороги и пошла доставать гостинцы и хозяйничать.

Глава 3. Дом на Северной улице

Первые четыре месяца моей жизни прошли в старом бревенчатом доме на улице Зеленая. Она и в самом деле была зеленой. По обе стороны улицы стояли небольшие одноэтажные домики, утопавшие в зелени ярких цветов и старых тенистых деревьев. К началу лета вся улица наполнялась ароматом роз и пионов, а к осени была сплошь усыпана желтой и красной листвой.

После отъезда Таты Риммы домой в Ереван жизнь семьи вошла в свою привычную колею. Мама целыми днями хлопотала по хозяйству, папа пропадал на работе, я спала себе в новенькой красивой коляске во дворе под старой яблоней и дышала природой.

А к зиме мы переехали. Позади остались длинные летние ночи: стрекот сверчка, жившего под сенями, крики соседского петуха на рассвете, бревна, уложенные ровной стопкой у стены дома и укрытые брезентом на случай непогоды; тихие осенние вечера: монотонное завывание ветра, стук дождя в окна и треск сухих поленьев в русской печи, скрип половиц деревянного пола под ногами, желтые занавески на окнах, мохнатый плед в желтую и коричневую полоску на кровати, серые алюминиевые ведра с водой из колонки в холодных сенях...

Наша новая современная квартира располагалась на третьем, самом верхнем этаже белого кирпичного дома номер четыре по Северной улице. Мама получила квартиру по очереди и была ужасно рада этому событию. В квартире было три комнаты, кухня, отдельный санузел и даже небольшой балкон. А еще в ней были центральное отопление, горячая вода и канализация. Здесь уже не нужно было носить воду из колодца, рубить дрова, заготавливать их впрок, чтобы топить ими печку с поздней осени и до весны. И в туалет через улицу ходить не нужно. А зимой можно сушить белье прямо на радиаторах! Тогда это называлось одним словом – «удобства», а «квартира с удобствами» считалась непременно атрибутом успешной жизни. Несмотря на то, что вся квартира едва умещалась на сорока квадратных метрах, маме она казалась пиком комфорта.

Второй подъезд, третий этаж, первая дверь налево с вишневым обивкой из искусственной кожи и блестящей табличкой с цифрами «21». Длинный узкий коридор вел в комнаты и на кухню. Стены коридора были оклеены гладкими моющимися обоями с рисунком в виде серых камней, сквозь которые местами пробивались зеленые листочки виноградной лозы. Эти обои мама привезла из Еревана и очень ими гордилась. Все гости сразу же обращали внимание на их необычный орнамент и непременно интересовались, где брала и почему. На полу лежал мягкий линолеум с рисунком под паркет, а на нем – длинная ковровая дорожка. Уютно. Прямо у входа на узенькой подставке под обувь красовался телефон. Еще одно чудо цивилизации. Он был ярко-красного цвета, с большим черным диском и аккуратными цифрами по кругу. Обычно я обходила телефон стороной: хотя мне было ужасно интересно, как он работает, разговаривать я не любила, и уж тем более, если не знать заранее, кто там звонит.

Слева по коридору был проход в мамино царство – на кухню. С раннего утра и до позднего вечера, не считая перерывов на уборку в комнатах, мама жила на кухне: варила, парила, жарила, пекла, делала заготовки на зиму. Кухня была очень маленькая, всего около пяти квадратных метров, поэтому мама управлялась со всеми делами, стоя на одном месте – при таких скромных размерах все было у нее под руками. Стены кухни были выложены голубым кафелем в тонкий синий цветочек, но не полностью, а только от пола и до середины, а сверху они были выкрашены белой краской. Слева от входа красовался малюсенький кухонный гарнитур бледно-голубого цвета, вмещавший в себя по паре шкафчиков сверху и снизу, рабочую зону и мойку. Мойка размещалась в самом углу, а в противоположном углу, прямо у окна, стояла газовая плита. Места между газовой плитой и мойкой было ровно столько, чтобы там могла встать мама. Мама, стоя у мойки, собирала кастрюли с газовой плиты, мыла их и тут же расставляла

в сушилке, что прямо над мойкой. Удобно. На небольшом простенке между мойкой и плитой висели толстые деревянные разделочные доски и мамины голубые прихватки с крупными белыми ромашками и точно такой же фартук – подарок на восьмое марта от соседки, тети Капы. Над рабочей зоной на деревянной перекладине висели половники, шумовки, скалки, открывалки и другие полезные штуки, с которыми мама ловко управлялась, колдуя над своими блюдами. По другую сторону от окна, в третьем уже углу, стоял малюсенький обеденный стол, максимум на двоих, а под ним – четыре табуретки. На всякий случай.

Я любила подолгу сидеть на кухне, на маленькой табуретке, прижавшись спиной к стене и внимательно наблюдать за тем, как ловко и быстро мама управляет с делами. Все мамины гости, и бабушка, и соседки, и подружки, кажется, разделяли мою страсть и, попивая ароматный чай вприкуску с ее нежнейшими эклерами или тающей во рту пахлавой, так же завороченно наблюдали за этой милой суетой.

Готовить мама умела и любила. На большую семью с учетом возможных гостей, коих всегда было предостаточно, готовить приходилось много. Пока на плите закипал наваристый борщ, томилась в кастрюльке гречка, а в сковородке тушился мясной гуляш, мама засыпала начищенный до блеска кухонный стол мукой, выкладывала на него уже готовое и отдохнувшее под белым льняным полотенцем тесто и миску со свежеприготовленным мясным фаршем. Будут пельмени. Пельмени мама делала не по праздникам и не по случаю, это было ее дежурным блюдом, которое хранилось в морозилке на всякий случай. Если не нашлось времени на готовку, если нежданные гости или если просто захотелось пельменей.

Пельмени у нас были всегда. Когда мама видела, что их запасы подходят к концу, она доставала свою деревянную скалку, и в течение часа в морозилку отправлялись очередные двести штук свежайших маминых пельменей. За разговорами, за шутками-прибаутками, а то и за пением романсов, мама проворно раскатывала тончайшее тесто, хрустальной рюмкой для водки вырезала маленькие кружочки, и со скоростью света деревянная разделочная доска покрывалась аппетитными пельмешками. Мамины пельмени обожали все, но каждый любил есть их на свой манер.

Папина порция – пятнадцать пельменей с кусочком сливочного масла и щедрой порцией черного перца. Запах подтаявшего сливочного масла в сочетании с ароматом черного перца и свежесваренных пельменей был настолько приятным, что я не раз пробовала насыпать себе в тарелку перца, но почему-то мне не удавалось насладиться этим вкусом так, как это делал папа.

Мама предпочитала пельмени в бульоне и всегда ела из одной и той же маленькой белой пиалы с розовыми цветочками, всегда со щепоткой черного перца.

А я ела их со сметаной и с хреновой закуской. Хреновой не в смысле среднего качества, а в том смысле, что основным ее ингредиентом был тертый хрен. Самая вкусная хреновая закуска была у тети Розы, жившей этажом ниже. Каждый раз вернувшись от тети Розы с хреновой закуской и солеными помидорами, мама первым делом шла на кухню, ставила на плиту кастрюлю с водой, кидала в нее ароматный лавровый лист, горсточку душистого перца, щепотку соли и доставала из морозилки пельмени.

После сытного маминого обеда я шла в свою комнату. Это была самая маленькая комната в квартире, но я очень ее любила. Самая настоящая детская, со шведской стенкой, тяжелым полированным письменным столом, висящими прямо над ним стеллажами, и софой, застеленной толстым покрывалом цвета радуги. Основным сокровищем этой комнаты был высокий книжный шкаф, где хранилось огромное количество детских книг. Книги тогда были в дефиците, и мама покупала для меня буквально все, что встретит. «Пусть будут, есть же не просят», – говорила мама и продолжала их скупать.

Я обожала стоять перед открытым шкафом, вдыхать запах книг, рассматривать все эти обложки и выбирать, что почитать. А потом забиралась на свою софу, чтобы читать-читать-читать, пока мама не хватится меня и не отправит гулять на улицу или не позовет ужинать.

Прямо по коридору был зал. В зале, как полагается, стояла импортная «стенка», купленная мамой в кредит и, конечно, «по знакомству», и мягкий уголок – диван с двумя креслами. За стеклянными дверцами серванта, красовавшегося по центру «стенки», хранились мамнины богатства: хрустальные фужеры, чайные и столовые сервизы на двенадцать персон. Понятное дело, тоже импортные. И тоже по знакомству. И почти наверняка в кредит. Один сервиз был «Мадонна», второй – с жар-птицами, а третий – просто с цветочками. Чего там только не было! И супницы, и соусницы, и какие-то графины, и еще куча предметов непонятного назначения, которые никогда не покидали пределов серванта. Покидали его исключительно тарелки и салатницы, и то раз в год, 31 декабря, примерно на неделю, а потом снова возвращались на свои места.

Здесь же располагался мамин тайник с драгоценностями – золотыми колечками, серьгами и цепочками. Она складывала все это в одну из соусниц, которая тоже никогда не использовалась по прямому назначению. Здесь же, в похожей соуснице, но с другим рисунком, мама хранила мои сокровища – заколки для волос. Конечно, для мамы они не представляли никакой ценности: просто держать их в недоступном для меня месте, чтобы я не растеряла все по квартире, ей казалось хорошей идеей. Казалось, до поры до времени, пока в один прекрасный день эта идея не обернулась трагедией вселенского масштаба.

Мне тогда было года четыре, и я была ужасно самостоятельной. По крайней мере, считала себя таковой. Особенно в вопросе заплетания себе косичек и собирания волос в хвостик. Мама была на работе, а папа решил забрать меня из сада пораньше. До маминого прихода оставалось около часа, папа лежал в своей комнате и читал газету, а мне было очень скучно и от отсутствия более интересного занятия захотелось поэкспериментировать с прической. Для этого нужно было достать из тайника заколки, только вот тайник располагался довольно высоко, и моего роста не хватало, чтобы подойти к шкафу, открыть дверцу и взять резинку. Конечно, можно было принести из кухни табуретку, но табуретка была тяжелая, и дотащить ее из кухни, не привлекая папиного внимания, было невозможно.

Я внимательно посмотрела на сервант, и решение пришло само собой. Можно было открыть один из его нижних ящичков, подняться по ящичку, как по лестнице, дотянуться до ключа, открыть дверцу, и вот она, вторая полка снизу. Останется только открыть крышку соусницы, а там уже и заколки. Аккуратно, стараясь не шуметь, я выдвинула ящик, осторожно, на цыпочках, встала в него ногами, взялась за ключик, покрутила вправо, замочек щелкнул и открылся. Одновременно с замочком что-то щелкнуло под ногами. Это было дно ящичка, которое так и норовило провалиться, поэтому медлить было нельзя. Быстрым движением руки я распахнула дверцу серванта, потянулась к заветной посудине, и тут под ногами раздался хруст – дно ящичка треснуло прямо посередине. Пытаясь удержать равновесие, я обеими руками схватилась за полку, на которой стояла заветная соусница, а полка тотчас же наклонилась вниз и предательски стряхнула с себя все мамнины кредитные сервизы, как мусорная машина стряхивает мусор на свалке. В какие-то доли секунды папа выскочил из спальни и оказался прямо у груды импортных осколков, с которых на нас укоризненно смотрели жар-птицы. Я расплакалась.

Папа взял меня на руки, бережно посадил на диван и молча убрал осколки. Вскоре с работы пришла мама. Она вошла в зал, увидела пустую полку, в ужасе посмотрела на папу, а он, не дожидаясь вопроса, ответил: «Нателла хотела достать заколки». Мама не ругалась, она смотрела на нас удивленными глазами, из которых медленно катились большие, прозрачные слезы. Больше мои заколки в серванте не хранились, а ключ от серванта был спрятан подальше.

Глава 4. Светка

Когда познакомились мои родители, маме было двадцать восемь. К этому времени она успела познать все прелести семейной жизни: мама уже девять лет как была в разводе и одна воспитывала десятилетнюю дочку Свету.

Мама тогда работала нормировщицей (что бы это ни значило) в некоей строительной организации и целыми днями была на работе. Невысокая пухленькая хохотушка с зелеными глазами и копной длинных волос каштанового цвета, она всегда была в центре внимания всего Менделеевска: яркая, модная, невероятно общительная и энергичная, ну и дочь известных в городе родителей, чего уж там.

Жизнь мамы и Светы кардинально изменилась, когда в ней появились мой папа и я. Забила ключом, можно сказать, засияла всеми цветами радуги.

Конечно, сначала в их жизни появился только папа. Он с первого дня начал носить Светке жвачки и прочие дефицитные штуки, способные растопить сердце любого советского ребенка, тем самым медленно, но верно создавая почву для новой семьи. А уж потом, через три года, пожаловала и я.

Надо сказать, что своим рождением я внесла существенный вклад в отношения моей мамы с ее мамой, моей абикой (*от тат.* «эби» – бабушка). Фагиля, так звали мою абику, не воспринимала нового зятя всерьез – молодой, приезжий, не татарин и даже не русский, еще и с характером. Дочь советов матери не слушала, твердо отстаивала свой выбор, и после очередного скандала на эту тему женщины рассорились и перестали общаться.

Мир был восстановлен в день, когда нежеланный зять появился на пороге у тещи, и, глядя на нее своими огромными карими глазами, попросил помочь подготовить квартиру к приезду из роддома ее дочери с маленькой внучкой. Тещино сердце внезапно оттаяло, и она согласилась.

Тринадцатилетняя Светка, или, как я ее называла, Тетя (не тётя, а именно Тетя) сразу взяла надо мной шефство. Погулять с коляской, покормить маминым молоком из бутылочки, пока мама занята хозяйством, умыть, переодеть, поиграть – со всеми этими задачами она справлялась «на ура». Когда мне исполнилось шесть месяцев, и Тетя увидела в моих глазах интеллект, она серьезно взялась за мое воспитание: разрешила школьную тетрадь на две равных половинки, аккуратно вывела на одной мои имя и фамилию, разлиновала каждую страничку, и стала вести дневник. В дневнике она записывала, как и что я ем, по дням, и по часам, и ставила мне за это оценки. Судя по всему, ела я из ряда вон плохо, потому что никакой медали за успехи в питании я в итоге не получила, но уверена, что именно тогда я решила наверстать упущенное и стать отличницей, если не в Светкиной, то хотя бы в обычной школе.

Время шло, Светка из подростка превращалась в девушку, и пеленки да кашки ее привлекали все меньше, зато все больше тянуло к подружкам, на улицу, в кино.

Родители понимали это и, конечно, отпускали Светку к подружкам, предварительно вручив ей коляску с моей скромной персоной внутри. Светка вздохнула с облегчением, только когда я научилась ходить. Тогда нам уже не нужна была коляска, мы ходили за ручку. Во время прогулок я не теряла времени зря: я внимательно следила за каждым Тетиным взглядом и словом, чтобы потом в мельчайших подробностях и с ехидной улыбочкой доложить обо всем родителям. Меня об этом никто не просил, но я считала это своим долгом и из раза в раз жестко контролировала Тетю.

Потом Тетя закончила 8 классов и решила поступать в музыкальное училище. Музыкальное училище находилось в далеком городе Чайковский, а значит, Тете предстоял переезд. Отпустить ребенка одного за тридевять земель папа не мог, и тогда на выручку пришел мой

дедушка Акоп, папин отец. Он как раз жил в тех краях и решил сам заняться Светкиным дальнейшим воспитанием. Дед организовал все обстоятельно: снял квартиру с хозяйкой, чтобы хозяйка следила за чистотой и одним глазом за Светой, а сам следил за Светой двумя глазами. За ее дисциплиной и за питанием. Особенно за питанием.

Дедушка считал, что питаться нужно хорошо и вкусно, поэтому все годы учебы досыта кормил Свету своим любимым блюдом – макаронами. Макароны по-флотски, макароны с тушенкой, макароны с мацуном и чесноком, рожки с маслом, вермишель, суп с макаронами. После доброй тарелки макарон Светке полагался десерт – молочный коржик или пряник.

Когда Светка приехала на каникулы, мы ее не узнали. Хорошая стала, круглолицая. В мини-юбки не вмещалась – опять-таки плюс дедушкиного воспитания. Мама охала, разводила руками, но, что поделать, – у дедушки не забалуешь. Ребенок учится и должен хорошо питаться. Точка!

Да и сама-то мама давно была не из тростинок – дедушка успел и дома свои порядки навести, научил маму готовить, как следует армянской жене.

Так вот, приезжала Света на каникулы и долго рассказывала маме про свою учебу. Смысла рассказанного я обычно не понимала, но речь практически всегда шла о хоре, соль-феджио и Давиденко. Я понятия не имела, кто это, но, судя по тому, как Света произносила эту фамилию, было совершенно очевидно, что это очень противный человек.

После того, как мама получала полный отчет о последнем семестре, Света садилась за фортепиано и сажала рядом меня. Я каждый раз садилась в надежде, что она сейчас расскажет мне, как играть двумя руками, нажимая при этом на педаль, едва поглядывая на ноты и трясая головой в такт мелодии, но она почему-то оставляла этот секрет на потом, а вместо него учила меня каким-то нудным раз-и, два-и и петь доремифасоляси туда и обратно. При этом на мое «доремифасоляси» она всегда говорила: «Нет, не так, а вот так: доремифасоляси!», а я никак не понимала, чем именно ее «доремифасоляси» лучше моего. В общем, такой расклад меня не устраивал, и в итоге я, так и не поиграв двумя руками, разочарованно вставала из-за фортепиано и шла в другой конец комнаты. Тогда Света начинала подбирать мелодии популярных в те года песен, а я сидела и наблюдала за процессом. Помните, была такая песня: «Ты бросил меня»? Вот ее подбор на фортепиано я помню всю жизнь: «Ты бро, ты бро, ты броо... Ты брооосил меня, ты бро-бро-бро-бросил меня, ты мне сказа-за-за-зал, что я не нужнаааа...»

А потом я подсаживалась поближе, просила сыграть песенки кота Леопольда, и мы вместе запевали: «Если добрый ты, это хорошо, а когда наоборот – плооохо!».

Так я и не научилась играть на фортепиано.

Глава 5. Илюшка

Наша жизнь в новой квартире началась с приключений. Не успели мы там поселиться, как папа устроил маме сюрприз. В один прекрасный вечер, когда мама уже уложила меня спать и принялась за глажку белья, высохшего за день на балконе, папа явился домой со свертком. Сверток шевелился и издавал характерные звуки – не надо было долго думать, чтобы догадаться, что на руках у папы ребенок. Мама устало улыбнулась, ожидая, что сейчас следом за папой зайдут родители этого ребенка – гости в нашем доме были делом обычным, но папа закрыл за собой дверь на замок, снял обувь, прошел в квартиру и протянул сверток маме.

– Кто это? – с улыбкой спросила мама, все еще поглядывая на дверь. Она знала, что муж любит пошутить, особенно над ней.

– Ребенок, – обыденно ответил ей муж, – Илюшка.

– Я вижу, что ребенок. Чей ребенок-то? – не унималась мама.

– Мой, – ответил уже из спальни папа.

– Как твой?

– Вот так вот, мой! Накорми его! Он, наверное, голодный.

Маму терзали сомнения: она продолжала надеяться, что это шутка, но папа и не думал смеяться, а осознать, что это могло быть правдой, у нее пока не хватало мужества. Пытаясь справиться с нахлынувшими на нее чувствами, мама подошла к ребенку. Развернув кусок простыни, служивший ребенку пеленкой, она обнаружила там щуплое тельце маленького мальчика. С папиных слов, ему было шесть месяцев, как и мне, но выглядел он максимум на три. Мальчик крепко держал в руке кусок вареной колбасы и время от времени жадно к нему присасывался. Очень худой, с неестественно большим животом, ребенок с интересом смотрел на маму. «Где он его взял?? Неужели, и правда, его ребенок? Но почему он совсем на него не похож? Ни капельки же не похож... Как же он мог?! Ведь этот мальчик ровесник нашей дочки», – думала про себя мама.

Тем временем она помыла ребенка, запеленала его в чистые пеленки и дала ему своего грудного молока из бутылочки. Приложить мальчика к груди она не смогла.

Когда мальчик наелся и заснул, мама пошла поговорить с папой. Подробностей об обстоятельствах появления этого ребенка на свет папа не рассказывал, но твердо и уверенно стоял на своем: «Ребенок мой!». В итоге мама расплакалась. На ее всхлипывания проснулся гостивший у нас в это время дедушка Акоп:

– Что случилось, Алфа? – потирая сонные глаза, спросил дед. Он прожил в России много лет, но по-прежнему говорил по-русски с ощутимым армянским акцентом.

Это был невысокий коренастый мужчина средних лет. В его черных волосах уже появилась седина, а вокруг глаз залегли глубокие морщинки. Несмотря на добрую натуру, выражение лица его всегда казалось строгим, даже суровым, то ли из-за кустистых сросшихся на переносице бровей, то ли из-за густых усов, прикрывавших слегка выдающуюся нижнюю челюсть, то ли из-за всего вместе.

– Вот... Гевуш ребенка домой принес, говорит, что это его ребенок, – пожаловалась мама;

– Иааа! (*арм.* выражение возмущения) – соскочил с дивана дедушка, – какой еще ребенок?

– Вот этот, – показала мама на мирно посапывающего в свежих пеленках Илюшку.

– Гевууууууууш, – громовым голосом позвал дед, – ай, Гевуш!!! Кто это?

– Мой ребенок, – тем же ровным голосом ответил папа своему отцу.

– Какой еще твой ребенок?! Ты с ума сошел?

– Нет, почему с ума сошел? Ребенка принес домой.

– Где ты взял его, этого ребенка? Где его мать? Кто его мать?

– Да не знаю я, где его мать, – начал выходить из равновесия папа, – а ты перестань уже реветь! – повернулся он к всхлипывающей над своей гладкой маме: – Купил я его! Купил!

– Что?! – уставились на него в четыре удивленных глаза отец и жена.

– Купил я его, говорю! За пятьдесят рублей!

– Как купил? У кого купил?

– У парня знакомого. Он на Севере работает, в командировки уезжает часто, месяцами дома не бывает. Одна девчонка из пединститута родила ему этого ребенка, он уехал в командировку, вернулся, а ее и след простыл. Ребенок дома лежит один, орет, а ему снова уезжать. Вот он мне его и продал, за пятьдесят рублей. У нас Нателла тоже маленькая, пусть растет вместе с ней, жалко вам что ли?

– Вай, вай, вай, – закачал головой дед Акоп, – люди совсем с ума сошли, детей продают, – и снова уселся на диван.

– А ты что, не мог что ли сразу сказать, – выдохнула мама, – чуть до инфаркта меня не довел!!!

– Так я же сказал, что это мой ребенок, – довольно ухмыльнулся папа, – а ты реветь!

Шли дни, Илюшка жил у нас, ел мамино молоко, по-прежнему из бутылочки, поправлялся, ездил в моей коляске, рядом со мной, на прогулки. На вопросы соседей, откуда у нас взялся второй ребенок, мама предпочитала не отвечать, переводила разговор на другую тему. Илюшка быстро шел на поправку, его хилое тельце набиралось сил прямо на глазах: он быстро научился переворачиваться и даже сидеть.

А потом Илюшку забрали. Родные бабушка и дедушка узнали о существовании внука, который воспитывается в чужой семье, и взяли мальчика к себе. Больше мы об Илюшке не слышали.

Глава 6. Конфликт

На нашей площадке было четыре квартиры. Прямо напротив нас, в двадцать четвертой, жил татарский мужчина по имени Сафар. Серьезный, молчаливый и даже в каком-то смысле интеллигентный, по крайней мере, с виду: в отличие от многих соседей мужского пола, чей гардероб в основном состоял из потертых треников и вытянутых маек, Сафар носил рубашки, брюки со стрелками и выдавшие виды, но начищенные до блеска туфли со шнурками.

Судя по всему, за внешним видом Сафара тщательно следила его жена, Фируза-апа. Это была маленькая кругленькая женщина, разговорчивая на людях и всегда молчаливая в присутствии мужа, на которого она смотрела с такой любовью и преданностью, как питомцы смотрят на своих хозяев. Она носила толстые хлопчатобумажные коричневые чулки, старомодные туфли на низком каблуке, прямые юбки до колен и стрижку «под горшок». И авоськи. С продуктами для любимого мужа. Детей у них не было.

Соседи поговаривали, что Фирузе нередко достается от мужа, когда он приходит домой навеселе, но никаких доказательств, типа фингалов под глазом или ссадин, на ней замечено не было, поэтому сплетни оставались сплетнями. Да и Сафара я пьяным не видела, пока однажды он не пожаловал к нам в гости, предварительно приняв на грудь.

Было мне тогда года два, может, три. Был тихий летний вечер. Я сидела на ковре со своими машинками, которые в те времена привлекали меня куда больше, чем куклы. Мама суетилась на кухне, готовила ужин. По комнате уже разливался невероятный аромат армянской долмы с виноградными листьями. Папа со своим младшим братом Ашотом шумно и эмоционально играли в нарды: с размаху кидали кости на стол, громко стучали шашками по доске, выкрикивая при этом какие-то непонятные слова, курили сигарету за сигаретой.

Ашот был на три года моложе папы и жил тогда с нами. Официально он приходился мне дядей, но в свои двадцать с небольшим считал себя слишком молодым для этой серьезной роли

и предпочитал более неформальное обращение – просто Ашот. Это был невысокий парень спортивного телосложения, с густой шевелюрой из черных волос, карими глазами, хитринкой во взгляде и улыбке. В этом человеке удивительным образом уживались невероятное чувство юмора и крутой нрав. Обычно он смотрел на мир с легкой усмешкой, глаза его всегда улыбались, но стоило только случиться чему-то для него неприятному, как он моментально превращался в гордого кавказского воина. Лицо его становилось каменным, из глаз сыпались молнии. Для полноты образа не хватало только папахи и вороного коня.

В этот вечер ничего не предвещало приключений – все были в хорошем расположении духа и наслаждались отдыхом в кругу семьи.

Неожиданно входная дверь широко распахнулась (мы тогда запирали ее только на ночь), гулко ударившись о стену, и из коридора зазвучала несвязная речь, щедро сдобренная русской и татарской бранью. Папа с Ашотом среагировали моментально – они за секунду вскочили на ноги, бросив на доску шашки и кости, и ловко подскочили к двери. Пока я встала с пола и выглянула в коридор, они уже провожали непрошеного гостя.

Мужчины ловко подхватили его за руки и за ноги и, немного раскачав, вышвырнули за порог. Сафару повезло – дверь в его квартиру была открыта настежь, поэтому Сафар приземлился ровно у себя дома. Как будто и не был в гостях. То ли потому, что Сафар был в стельку пьян, то ли благодаря мастерству мужчин нашей семьи, посадка его была очень мягкой: сосед особо не пострадал, разве что немного ушибся. Но вопль при посадке издал протяжный, чем поверг свою верную супругу в ужас, и та пронзительно заверещала на весь подъезд: «Армяне убивают! Убиваааают армяяне!», – и, не откладывая, обратилась с заявлением в милицию.

Утром к нам пришел участковый. Дома были только я и мама. К своему сожалению, милиционер узнал, что посторонних свидетелей у конфликта не было – только Фируза, с пеной у рта утверждавшая, что ее мужа едва не убили армяне, и моя мама, настаивавшая на том, что Сафар ворвался в наш дом с не самыми дружескими намерениями и поэтому был просто вышвырнут за порог.

Тогда участковый решил спросить меня, не видела ли я, что происходило вчера. «Видела, видела, – обрадовалась я такому вниманию к своей персоне, – я все вам расскажу, дяденька милиционер!», и участковый пригласил меня побеседовать о случившемся на скамеечке у дома. Без свидетелей, чтоб максимально беспристрастно.

Я рассказала все как есть, в мельчайших подробностях. И про то, как папа с Ашотом играли в нарды, и про то, как дяденька толкнул нашу дверь, зашел к нам домой и начал громко ругаться плохими словами, и про то, как папа с Ашотом быстро побежали, взяли дяденьку за ручки и ножки и выкинули в коридор, и как дяденька упал на пол у себя дома, и как кричала Фируза-апа, и как папа с Ашотом закрыли дверь на ключ и снова сели играть в нарды, как ни в чем не бывало.

Участковый слушал меня очень внимательно, время от времени он понимающе кивал и делал какие-то заметки в своем блокноте. Потом сердечно поблагодарил меня за рассказ, пожал мне руку, прямо как взрослой, закрыл блокнот и откланялся.

Больше к нам по этому вопросу из милиции не приходили, видимо участковый поверил мне больше, чем Фирузе-апе. Плюс ко всему, факт оставался фактом: пострадавший от жестокого покушения Сафар в итоге даже не поранился и почти не ушибся.

После этого случая Сафар закладывать за воротник, конечно, не перестал, но больше к нам не заглядывал. Не понравилось ему у нас.

А на трезвую голову он даже продолжал здороваться, как будто и не было никогда этой истории.

Глава 7. А из нашего окна...

В нашей семье все любили читать. Мама ночи напролет зачитывалась любовными романами, папа – детективами. Но мало им было книг: они еще и газеты-журналы себе выписывали. Мама предпочитала совершенно одинаковые с виду, но наверняка разные по содержанию «Работницу» и «Крестьянку», а папа вообще получал целый ворох газет и журналов: «Труд», «Известия», «Советский спорт», «Комсомольскую правду», «Литературную газету», «Огонек».

Каждый день наш почтовый ящик ломился от свежей, хрустящей, пахнувшей типографской краской прессы. Вся эта пресса прочитывалась родителями в кратчайший срок, а затем складывалась аккуратной стопкой на подоконник. Когда стопка становилась неприлично высокой, она перемещалась в гараж на хранение.

Стоит ли удивляться, что покупкой детских книг мама озадачилась с самого моего рождения. Детские книги были тогда в дефиците, и покупались как импортная одежда – на вырост, при любой возможности. Мама считала, что любовь к чтению ребенку необходимо прививать буквально с пеленок, поэтому сама читала мне вслух, как только появлялась минутка. Сначала это были стихи, совсем коротенькие, простые: про Таню, что громко плачет, про бычка, который качается, и про мишку, которого уронили на пол. Когда я внезапно заговорила, не достигнув даже годовалого возраста, мама решила, что репертуар пора менять. Пошли стихи подлиннее, посерьезнее, с более закрученным сюжетом.

Были любимые, которые зачитывались до дыр и постепенно укладывались в чистой детской памяти ровными строчками. «Дело было вечером...», – начинала мама, – «...делать было нечего», – радостно подхватывала я и рассказывала долго, до последней точки. Это был мой коронный номер: рассказывать длинные стихи всем желающим и нежелающим послушать. В гостях ли, у мамы ли на работе, на осмотре ли в поликлинике, я неизменно вставала посреди комнаты, расправляла платице, и, торжественно поддерживая подол с двух сторон кончиками пальцев, с чувством, с толком, с расстановкой, декламировала: «А из нашего окна Площадь Красная видна, а из вашего окошка только улица немножко...».

Вечерами, перед сном, мама читала мне сказки. Обычно к вечеру, после рабочего дня, после уборки и готовки, после стирки вручную на стиральной доске, после глажки тонны постельного белья и одежды, мама, втайне надеясь ограничиться короткой сказкой, брала очередную книжку и усаживалась со мной на кровать. Как только она начинала зевать и путаться в словах, я сердито толкала ее в мягкий бок и требовала: «Читай!», – и она читала, мечтая о том, что когда-нибудь я сама научусь это делать, чтобы ее ежевечерние мучения наконец прекратились. Мечтам суждено было сбыться, и очень скоро.

Было мне тогда три года. Букварь к тому времени маме раздобыть не удалось, но она находилась в активных поисках.

Я росла любознательным ребенком, задавала маме по миллиону вопросов в день, на которые мама порой не находила ответов. А еще я обожала березовый сок и ненавидела бензин. Самым страшным местом на земле для меня была бензоколонка. Я и без того с трудом переносила любой транспорт: в нем меня жутко укачивало, а уж если приходилось заехать на заправку, то нытья было не избежать.

Как-то раз мы ехали из соседнего города с громким названием Брежнев на нашей новенькой «Ниве» ярко-желтого цвета. Нива блестела чистотой в лучах осеннего солнца – папа очень бережно относился к машине и тщательно следил за ее внешним видом. Несмотря на это, в «Ниве» ужасно пахло бензином. Приоткрытые форточки (да, раньше в машинах были не только окна, но еще и форточки) не помогали, поэтому мы то и дело останавливались, чтобы я могла подышать воздухом, прежде чем ехать дальше.

Мама изо всех сил старалась отвлечь меня от бензина и максимально веселым голосом пела: «Мы едем-едем-едем в далекие края», покачивая меня на коленях в такт песни, от чего меня тошнило еще сильнее, и я негромко хныкала, уткнувшись в мамин шарф, от которого приятно пахло духами.

Наконец, машина притормозила.

– Ну, все, приехали, – радостно сообщила мама.

– Куда приехали? – спросила я, глянула в окно и жалобно заскулила: – Мамааааа, но мы же на заправку приееехалиии...

– Нет, – мама усиленно пыталась выдерживать тот радостный тон, с которого начала: – Какая же это заправка? Это... это... Магазин!

– Не магазиин, – ныла я, – я знаю, это заправка! Заправка! Вон как пахнет! Фууу!

– Конечно, магазин! Здесь и березовый сок продают, твой любимый – стояла на своем мама: – Вон, посмотри-ка, видишь, там написано? Буква «Б». Знаешь же букву «Б»? «Б» – березовый сок!

– Там написано БЕН-ЗИН, мама! БЕН-ЗИН!!!

– Что ты сказала?

– Я сказала БЕН-ЗИН!

– Гевуш, Гевуш, – заверещала мама, дергая за рукав только что усевшегося в машину папу, всего насквозь пропахшего свежей порцией бензина, – Гевуш, она читает у нас!

– Как читает? – обернулся к нам папа и с недоверием посмотрел на маму.

– Читает! Вот «бензин» прочитала только что...

– А ну-ка, скажи, что здесь написано? – папа достал из бардачка какую-то затертую брошюру и ткнул пальцем в первое попавшееся слово, написанное крупными черными буквами на белом фоне.

– Нива, – обиженно выдохнула я.

Папа выпучил на меня свои огромные глаза, а потом громко расхохотался: «Вот это да! Ну, дает! Моя дочь! Поехали, березового сока купим тебе!».

С тех пор стихов на публику я больше не читала. Вместо этого мне давали «Менделеевские новости», просили почитать вслух про надои молока и сборы урожая, а потом разводили руками, охали, ахали и хвалили маму за старания, а мама улыбалась и думала про себя: «Ох, не зря я молилась в четыре утра, не зря... вся ведь в отца пошла, вся...».

Глава 8. Детский сад

Когда закончился мамин декретный отпуск, меня отдали в детский сад. Детский сад №10, или «десятый садик», как мы его называли, располагался прямо во дворе, под нашими окнами. Идти до него было минуты две, не больше: выходишь из подъезда, идешь направо, проходишь сначала наш дом, потом серый и мрачный «офицерский», и ты уже на месте. В «офицерском» доме жили сотрудники местной колонии для заключенных, «офицеры». В выходные дни и по вечерам это были обычные люди: мамы и папы соседских девчонок и мальчишек, а в будни, когда они наряжались в свою суровую форму цвета хаки и шли на работу, они становились похожими на строгих военных, и я старалась обходить их стороной. На всякий случай.

Садик мне не понравился сразу. За массивной металлической дверью грязно-оранжевого цвета с кое-где облупившейся краской была тесная раздевалка. Вдоль ее стен красовались желтые и красные деревянные шкафчики для одежды. У шкафчиков стояли длинные низенькие скамейки для детей. В первый раз мы с мамой пришли в сад позже положенного часа, когда все дети уже были «сданы», а их родители давно работали свою работу. На одной из скамеек в раздевалке сидел маленький мальчик в коричневых колготках и явно маловатой ему рубашке; он громко и протяжно выл: «ууу-уу-уу», размазывая по лицу зеленые сопли щуплыми кулачками. На корточках перед мальчиком, в пальто, сапогах и съехавшем набекрень красном мохеровом берете, сидела раскрасневшаяся женщина, которая пыталась натянуть на своего ревущего ребенка узкие шорты и запихнуть его маленькие ножки в грубые черные сандалии.

Мама усадила меня на скамейку, сняла с меня шапку, шарф, куртку, убрала их в один из шкафчиков, достала из пакета туфельки, в которые я тут же переобулась, взяла меня за руку и повела в группу. В группе было душно, противно пахло тушеной капустой и подгоревшим молоком. На полу огромной полупустой комнаты лежал красный ковер с небольшими проплешинами, на нем играли дети. Кто-то складывал башню из кубиков, кто-то возил по ковру пластиковой машинкой, половина колес которой давно отвалилась, кто-то укачивал куклу со спутанными волосами, упрямо торчавшими в разные стороны. Воспитательница с высокой прической и в очках, в строгом сером платье и мягких черных туфлях сидела за столом и что-то писала в толстой тетради. Услышав, как мы вошли, она подняла голову, улыбнулась и двинулась нам навстречу:

– Здравствуйте! Как хорошо, что вы пришли! Мы вас ждали!

– Здравствуйте! – мама все еще крепко держала меня за руку.

– Тебя как зовут? – наклонилась ко мне воспитательница.

– Нателла, – сердито сообщила я и отвернулась, надеясь, что мама не оставит меня на этом плешивом ковре со старыми игрушками.

– Пойдемте, я покажу вам нашу группу, – позвала воспитательница и начала экскурсию. Вот здесь у нас игровая, – радостно показала она на ковер и на полки с выцветшими кубиками. – Вот тут, – она повела нас в какую-то невзрачную белую комнату, сплошь уставленную маленькими деревянными столиками и стульчиками (из нее-то как раз и пахло тушеной капустой), – у нас столовая. Здесь, – она распахнула стеклянные двери, за которыми ровными рядами стояли детские кровати, – у нас проходит тихий час. А вот тут, – открыла она очередную дверь, и в нос ударил резкий запах хлорки, – у нас туалет.

– Ну что же, Нателла, давай отпустим маму и пойдем знакомиться с ребятами, – снова наклонилась ко мне воспитательница. Я в ужасе смотрела на маму, ожидая от нее спасения, но мама уже поспешно застегивала пальто, и, быстро чмокнув меня в макушку, застучала каблучками в сторону выхода.

С тех пор комната с ковром появлялась в моей жизни ежедневно.

Сад я так и не полюбила, скорее, наоборот. Вечно ноющие однокашники, какие-то шумные подвижные игры, мои самые нелюбимые, а то и вообще соревнования и эстафеты – мой страшный сон, манная каша с твердыми комочками, бледный омлет голубовато-серового оттенка, сладкий молочный суп с вермишелью, жидкий пресный кисель, тихий час в трусах и майках... А дома тихо, уютно, дома книжки с картинками, дома мамин рисовый плов и пирожки с яблочным повидлом, дома чай с шоколадными конфетами...

Словом, я сразу поняла, что детский сад – это не мое, и с каждым разом убеждалась в этом все больше и больше, а потому изо всех сил пыталась избежать его посещения. Папа был со мной солидарен и всячески поддерживал мои утренние капризы, которыми сопровождалась наши ежедневные сборы. В мою обязательную утреннюю программу входила истерика на тему косичек, которые я долго и тщательно заплетала сама, потому что мама плела либо слишком туго, либо с «петухами». После того, как волосы были собраны, вставал вопрос о том, что надеть. Я требовала исключительно то, что в стирке или еще не высохло. Папа смотрел на мои выступления с улыбкой одобрения и ещё время от времени ехидно спрашивал, подливая масла в огонь: «А может, не пойдёшь в садик? Оставайся дома, отдохни сегодня!»

Заметив папину поддержку в этом нелегком деле, я чувствовала себя очень уверенно и капризничала на полную катушку, от души. Со временем выяснилось, что папа был не столько против моего сада, сколько против маминой работы, и ожидал, что однажды мама устанет бороться со мной по утрам и никуда не пойдёт, но мама не сдавалась – взмыленная, покрасневшая, злая, она все же отводила меня в сад и упорно шла работать.

Однажды зимой мама, уже наловчившись собираться в условиях жёсткого стресса, упаковала меня в пятнистую мутоновую шубу (как сейчас говорят, с «животным принтом») и такую же шапку, надетую поверх зеленой вязаной, нацепила на меня тёплые пуховые варежки, пришитые к резинке, чтоб не терялись, повязала широкий зелёный шарф, и выставила за дверь, чтобы мои всхлипывания мешали не ей, а соседям. После того, как дверь перед моим носом захлопнулась, я перестала хныкать и громко разревелась.

– Чего тебе еще? – выглянула из-за двери мама.

– А валенки-то... ты же мне валенки не одела..., – жалобно прохныкала я, выпятив нижнюю губу и переминаясь с ноги на ногу в теплых серых носочках из мягкого кроличьего пуха.

Валенки мне в итоге выдали, но урока я так и не усвоила, и каждый день искала все новые поводы оттянуть выход из дома в сад.

После того, как меня все же сдавали в сад, единственным моим утешением и надеждой становились прогулки. Во время прогулок я старалась не отходить далеко от высокой решетчатой ограды, отделявшей детсадовскую площадку от проезжей дороги, чтобы не упустить из вида папину машину. Всякий раз, когда папа проезжал по этой дороге во время моей прогулки, он обязательно останавливался и забирал меня с собой, прямо через ограду. Разумеется, никого из воспитателей папа об этом в известность не ставил: отчитываться кому-либо о своих действиях он не привык, а потому каждый раз при обнаружении воспитателями пропажи на маму обрушивался шквал звонков из детского сада. Раза с десятого мама привыкла к этой маленькой традиции и уже была уверена, что ребенок дома, с отцом.

По-настоящему пропускать детский сад мне удавалось только в тех редких случаях, когда я заболела, и наш педиатр Валентина Сергеевна, серьезная женщина в белом халате и с фиолетовыми волосами, поведив по моей груди холодным стетоскопом, сообщила маме, что ребенку необходим постельный режим. Вот тогда наступало мое время.

Обычно болела я тяжело и долго, с высокой температурой, иногда даже с судорогами, лежала целыми днями на диване, под теплым одеялом, пила чай с малиновым вареньем, выпитые мне Валентиной Сергеевной микстуры и круглые горькие таблетки. Мама постоянно измеряла мне температуру то термометром, то легонько прикоснувшись губами ко лбу.

Когда температура была высокая, мне казалось, что я вместе с диваном летаю где-то под потолком, вокруг люстры. Это движение останавливалось, когда температура спадала. И тогда мама принималась за активное лечение. Она насыпала мне в носки горчичного порошка. Ощущения были такие, будто я стояла где-то на горячем морском песке, только в носках. Даже в двух парах носков – тонких и толстых.

В качестве дополнительной меры мне на спину приклеивалась приятно теплая и одновременно противно липкая горчично-медовая лепешка, поверх которой укладывался полиэтиленовый пакет, а потом вся эта конструкция прикрывалась моей пижамой и сверху обматывалась маминой теплой шалью. Если за ночь мне не становилось существенно легче, в ход шла тяжелая артиллерия – банки. Мама расстилала на столе одеяло, укладывала меня на него животом вниз, в одних трусах, и доставала свою волшебную коробку с банками. Мама так ловко ими орудовала, такой огонь в них разжигала! Этим можно было бы любоваться вечно, если б банки не предназначались для моей спины. Ставить их было не больно, но и не сказать, чтобы очень уж приятно – они присасывались к коже практически намертво. А еще после них на спине оставалось шесть ровненьких ярко-бордовых кружочков, которые не сходили неделями.

Конечно, эти процедуры не вызывали у меня особого восторга, но я стойко выносила их ради одной великой цели – не ходить в сад.

Несколько раз в году в скучные детсадовские будни с песнями и плясками, самодельными флажками и гирляндами врывался дух веселья. По утрам после ковыряния в тарелках с манной кашей, аккуратного отделения сыра от бутерброда и тщательного слизывания сливочного масла с горбушки серого хлеба, мы шли в музыкальный зал репетировать. В зале нас уже ждал музыкальный работник, вернее работница, которая сидела за старым коричневым пианино, и по команде воспитательницы начинала старательно бить по клавишам, одновременно нажимая на педали и тряся головой, то вперед-назад, то, в случае особо веселых песен, – из стороны в сторону, – именно так, как хотела научиться я, но так и не научилась. При этом лицо ее озаряла счастливейшая улыбка, которая тотчас же исчезала, стоило только воспитательнице хлопнуть в ладоши и прокричать: «Стоп, стоп, стоп! С начала!». Наш стройный детсадовский хор то и дело сбивался с ритма – участники то слова забудут, то зазеваются, то в носу доковыряться не успеют, но воспитательница не сдавалась. «Иииии, начали!» – командовала она, и мы снова затягивали очередной куплет: «Папа может, папа может все, что угодно» или «Сколько у елочки шариков цветных».

К праздникам мы готовились тщательно, особенно к новогодним – нам предстояло смастерить открытки родителям, отрепетировать выступление и подготовить праздничный костюм. Последний пункт обычно был головной болью тех самых родителей, которым предназначались открытки, и показателем их креативности. Готовых карнавальных костюмов в магазинах Менделеевска не было, поэтому родителям приходилось придумывать и готовить костюмы самостоятельно. К примеру, если девочка нарядилась не в костюм Снежинки, который обычно состоял из белого платья с пришитыми к нему бумажными снежинками или елочной мишурой, а также белых, вечно сползавших гармошкой к щиколоткам колготок и белого капронового банта, настолько жесткого, что о него можно было порезаться, значит, ее мама действительно постаралась. Но такое старание было большой редкостью: в новогоднем хороводе превалировали именно «снежинки» со всеми вышеописанными атрибутами.

С мальчиками все было еще печальнее. Они наряжались в пиратов, которые помимо повседневных черных штанов и черной майки могли похвастаться разве что черной тряпочкой для перевязки глаза и картонной саблей, щедро оклеенной фольгой. Компанию пиратов изредка разбавляли мальчики-медведи, отличавшиеся от обычных мальчиков надетой на голову зимней меховой шапкой с пришитыми к ней белыми пуговицами-глазами и черной пуговицей-носом.

Мне повезло – во время одной из поездок в Ереван маме удалось купить для меня костюм Красной Шапочки и тем самым решить для себя проблему новогодних праздников на ближайшие два года, как минимум. Костюм состоял из двух предметов – непосредственно самой красной шапочки с торчавшими из нее двумя толстыми косами огненно-рыжего цвета и такой же челкой, и ярко-синего жилетика с красной шнуровкой. Мои черные брови, выглядывавшие из-под густой рыжей челки, смотрелись, мягко говоря, странно, но меня это не смущало – в конце концов, белая снежинка с черными бровями – это тоже персонаж сомнительный.

Когда этот костюм стал маловат, и передо мной маячила реальная перспектива стать «снежинкой», я сообщила маме, что хочу быть исключительно Мальвиной. Мама спорить не стала, она просто купила в магазине пару метров кружевного тюля и пошла с ним к соседке-швее тете Капе заказывать платье. Платье получилось красивым, с пышной многослойной юбкой, которую мама всю ночь перед праздником старательно обшивала серебристыми пайетками. Голубых волос у нас не нашлось, вместо них был голубой бант, который, может, и не являлся главным атрибутом Мальвины, но уж точно выделял меня из белой массы Снежинок.

Обычно в день праздника в детском саду царила суета. С утра родители несли в сад карнавальные костюмы, аккуратно отглаженные, развешенные на деревянных вешалках, прикрытые целлофаном. Белые носочки, ленточки для волос, тщательно начищенные туфельки – все это бережно раскладывалось воспитателями в спальне, чтобы после дневного сна нарядить детей. В течение дня воспитатели наводили красоту в залах: развешивали самодельные гирлянды из цветной бумаги, разноцветные флажки из нее же, серебристый дождик и прочую мишуру. В этот день тихий час давался детям особенно непросто – спать перед выступлением никак не получалось, поэтому все лежали и ждали, когда уже нас начнут наряжать. Это был мой самый любимый момент во всем праздничном процессе – переодевание в праздничные костюмы. Именно тогда предвкушение надвигающегося праздника было особенно сладким.

Сам праздничный вечер обычно проходил скомкано и сумбурно: огромное количество восторженных родительских глаз сводило на «нет» все наши репетиции: мы краснели, бледнели, нервно теребили свои костюмчики, забывали слова, пели невпопад, танцевали тоже так себе, но неизменно срывали бурные аплодисменты родителей, независимо от степени провальности выступления. Сложнее всех приходилось воспитательнице. По ее постоянно движущимся губам было видно, что все стихи и песни она исполняет вместе с нами, явные движения головы в такт музыке выдавали ее мысленное участие во всех наших танцевальных номерах, она подсказывала нам громким шепотом слова, ловко подтирала невовремя выступившие слезы и сопли, одергивала задравшиеся в танце платица, водила с нами хороводы и хлопала громче всех по окончании концерта. Потом все расходились по домам, разгоряченные, лохматые, но ужасно довольные. Прежде всего тем, что праздник окончен и не скоро еще повторится.

Глава 9. Мотоцикл и другие неприятности

С наступлением лета наш маленький двор наполнялся жизнью. Какой-то особенной, яркой жизнью, где каждый день был в радость.

Крики петуха на рассвете, первые лучики солнца на подушке, легкий теплый ветерок в открытую форточку, бляенье барашков, идущих прямо под нашими окнами в сторону березовой рощи, ласковый голос их хозяйки, татарской бабушки, которая всегда шла за стадом с тонкой хворостинкой в руках и по-доброму, по-матерински, отчитывала своих непослушных питомцев, свист соседа, выпустившего белых голубей в небо, аромат маминых блинов из кухни – так начиналось мое летнее утро.

Летом настроение у всех было приподнятое, особенно в выходные. Соседские мужики с раннего утра суетились во дворе по хозяйству: то в сарае порядок навести – стеллажей новых прибить, инструмент разобрать, банки из погреба поднять, чтобы жена заготовок наделала, то велосипед детям починить, колеса подкачать, то машину свою старенькую или мотоцикл начистить. Дядя Саша с первого этажа первым делом двор подметал, а жена его, тетя Катя цветы у дома поливала, сорняк пропалывала.

Женщины обычно по выходным уборкой занимались: кто окна моет, кто стирку развешивает, переговариваясь между собой, каждая со своего балкона. Дежурные по этажам мыли подъезды. А ребятя бегала во дворе с раннего утра и до вечера.

Забегаешь домой днем перекусить, а лестницы в коридоре чистые, еще влажные от уборки, дома чистота, свежестью пахнет, окна распахнуты настежь. Музыка играет на весь двор – соседи вытащили большую колонку на подоконник. И настроение сразу такое праздничное!

К вечеру женщины выходили во двор и за пакетом семечек на лавке допоздна обсуждали все на свете – от последних новостей до героев сериалов. Мужчины садились за большой деревянный стол, «забивать козла».

Одним из таких летних вечеров мы со Светкой и папиной двоюродной сестрой Сусанной, что приехала к нам из Еревана поступать в Елабужский пединститут, вышли на прогулку. Худенькая девушка с короткими черными кудрями и застенчивым взглядом, Сусанна целыми днями изучала толстенный русско-армянский словарь, что привезла с собой из Армении, и еще кучу каких-то книг для подготовки к поступлению. В будние дни она подрабатывала в моем детском саду помощницей воспитателя, а выходные проводила за учебниками. Светка с Сусанной были почти ровесницами. Им было о чем поболтать и куда прогуляться вечером, и папа даже разрешал им выйти, но на всякий случай отправлял с ними меня. В свои три года я была предельно внимательна к деталям и уже отлично изъяснялась. Короче говоря, рассказывала папе все подробности каждой прогулки до мелочей: куда ходили, кого встретили, о чем говорили.

Едва мы отошли от дома, как из-за поворота на огромной скорости в нашу сторону выскочил мотоцикл. Взвизгнули тормоза, резанул звук резины об асфальт, и мотоциклист, не справившись с управлением, сбил мою Светку с ног. Какая-то доля секунды, и вот она уже лежит на дороге и рыдает от боли, платье ее порвано, колено в крови, Сусанна стоит рядом и визжит от ужаса, а я, единственный здравомыслящий человек трех лет от роду, которому папа доверил двух взрослых девиц, пошла домой за помощью. Шла я неспешно, чтобы не оступиться и не упасть, очень долго поднималась на третий этаж, держась за поручни лестницы: ступенька за ступенькой, пролет за пролетом. Постучала в дверь.

Открыла мама.

– Нателла, а ты чего это одна? Забыла что-то? Где девочки? Ты сама что ли пришла?

– Мама! Там нашу Тетю мотоцикл задавил, – не теряя самообладания, как и положено сознательному человеку в ответственный момент, сообщила я.

– ЧТО?! Где она?? – схватилась за голову мама.

– Мотоцикл задавил! Там она, валяется на дороге...

Дальше все было как в фильме. Буквально в следующую секунду откуда-то из глубины квартиры мне навстречу пулей вылетает папа. Босиком. Без майки, в одних спортивных штанах. Летит на место преступления. Мама берет меня за руку и тоже спешит за ним. Конечно, мы с мамой таких скоростей развивать не могли, поэтому встреча мотоциклиста с разъяренным армянским мужчиной, босоногим, полуголым и с глазами больше чайного блюдца, из которых периодически вылетали молнии, к сожалению, прошла без нашего участия. Не удивлюсь, если бедный мотоциклист провалился от страха под землю. По крайней мере, на месте аварии я его уже не застала. Ни его, ни мотоцикла.

– А ну-ка быстро домой! – сердито скомандовал папа, подхватив Светку на руки: – Быстро! Все! И никаких больше прогулок!

«Ну, пааапа!» – подумала я, но вслух ничего не сказала. Не умела я спорить с папой. И никто в нашей семье не умел и даже пробовать не пытался. А в этот день гулять больше никому не хотелось: Сусанна еще сутки приходила в себя после пережитого, а Светка и передвигаться-то не могла без посторонней помощи, какое там гулять.

К счастью, ничего серьезного со Светкой тогда не случилось. Несмотря даже на то, что ей пришлось немного проехать по асфальту на одном колесе, она отделалась всего лишь ушибом и большой ссадиной. Долго еще на ноге ее красовался коричневый шрам в форме ромба, который почему-то напоминал мне кусочек торта птичье молоко в шоколадной глазури.

Как только Светкина нога зажила, а папина бдительность задремала, пришло время для очередного нашего с ней приключения. На этот раз Свете нужно было поехать в соседний город Брежнев, в ателье. Не знаю уж, что за наряды она себе там шила, но ехать нужно было обязательно. А одной ехать скучно, да и привыкла уже Светка, что я всегда при ней, поэтому она упростила маму отпустить меня за компанию.

Обычно родители не отпускали меня дальше Менделеевска ни с кем и никогда, но тут мама как-то сразу же согласилась: мы же только до ателье и обратно, а папа приходит домой поздно, он и не узнает, что мы уезжали.

Довольные и счастливые, мы вышли на улицу и пошли к остановке, откуда уходили междугородние автобусы. День только начался и обещал быть теплым и солнечным. Дел у нас было немного и торопиться нам было некуда. Мы и не торопились.

Купили билет, сели в автобус и поехали. Всю дорогу я смотрела в окно: мы ехали через бескрайние поля, через густые леса, а потом по длинному мосту над рекой Камой. И вот, мы уже на автовокзале.

Брежнев был гораздо больше Менделеевска, и добираться до ателье пришлось тоже на автобусе, но уже на другом.

Примерка платья не заняла много времени, но ехать домой не хотелось. Когда еще до Брежнева доедем без родителей? И решили мы со Светкой погулять, на каруселях покататься, мороженого поесть – насладиться всеми удовольствиями большого города. Вернее, Светка решила, а я-то всегда «за».

Сумерки подкрались незаметно. Помню Светкино лицо у кассы автовокзала, когда ей сказали, что последний автобус на Менделеевск только что ушел. Мы одни в чужом городе, мама дома ждет и волнуется, но это все полбеды. Через пару часов домой придет папа, и вот тогда будет настоящая беда. Подвели мы маму, подвели...

Было бы это сегодня, Светка бы достала мобильный телефон и вызвала бы такси, но тогда ни мобильных телефонов, ни такси у нас не было, а домой нужно было попасть срочно.

Пока Светка пыталась выспросить у тетеньки в окошке о других автобусах, шедших хотя бы примерно в ту же сторону, пока металась по вокзалу в поисках какой-нибудь попутной машины, на улице стемнело.

И вот мы с ней уже идем по темной трассе в сторону дома, крепко держась за руки. Идти далеко, километров сорок, по мосту над Камой, вдоль густых лесов, вдоль широких полей. С нами вместе идет какая-то семья, которой тоже не удалось уехать домой вовремя: муж, жена и ребенок, мальчик. Мальчик то и дело хнычет и просится на ручки, а я иду молча, думаю только о том, что нам сейчас будет. Ну, или не сейчас, а когда мы все-таки дойдем до дома. Если дойдем.

Сколько мы шли – я не помню, но помню, что очень устали, когда рядом с нами вдруг остановился какой-то пустой автобус, и водитель предложил нас подвезти. Домой мы добрались далеко за полночь, уставшие и по уши в дорожной пыли. Мама ужасно волновалась и беспрестанно бегала от одного окна к другому. Папы дома не было.

Высказав нам все, что у нее накопилось за эти тяжелые часы, мама сообщила, что папа давно уже нас ищет. Как мы с ним разминулись, она не поняла, но рассказала, что он время от времени забегает домой, кричит с порога: «Не пришли??? Ох, сейчас вернусь, голову тебе оторву!», – и снова убегает искать. Приходил так уже три раза, но голова пока была на месте.

На четвертый раз папа застал нас дома. Обошлось без оторванных голов, но того взгляда мне хватило на долгие годы, чтобы сначала три раза подумать, пойти ли гулять без папиного разрешения, а потом остаться дома.

Глава 10. Гости из Армении

Несмотря на свои скромные размеры в сорок с небольшим квадратных метров, наша трехкомнатная квартира могла вместить невероятное количество людей. Как говорила мама, пол-Армении. У нас в разное время жили папины родственники, близкие и не очень, папины друзья, друзья папиных друзей, просто знакомые и даже знакомые знакомых.

Эти люди приезжали к нам с самыми разными целями: кто-то погостить, повидаться, кто-то по делу, а один папин товарищ даже невесту у нас прятал, сбежавшую с ним от строгих родителей. Невесту звали Нуне. Нуне была красоткой. Она каждый день играла со мной, рисовала для меня прекрасных принцесс, а когда уезжала от нас, пообещала, что когда-нибудь, когда у нее родится дочка, она непременно назовет ее Нателлой. И ведь не соврала – назвала!

Эта девушка относилась к тому небольшому числу гостей, кого нам с мамой удалось запомнить. Лица людей в нашей квартире менялись так часто, что удержать их всех в памяти было просто невозможно.

Как-то раз на улице к нам подошел мужчина и с широкой улыбкой на лице поприветствовал маму:

– Альфия, здравствуйте!

– Здравствуйтесь, – чуть растерявшись, кивнула мама в ответ.

– Как ваши дела? – спросил мужчина, – как живете?

– Нормально, спасибо, – ответила мама, все еще не понимая, с кем говорит.

– Вы меня не помните? Я – Андо!

– А, Андо! Точно! – вежливо заулыбалась мама.

– Да, это я, – удовлетворенно кивнул Андо, – вот приехал снова по делам на пару дней.

Ну, счастливо! Гевушу привет передавайте!

– Спасибо, обязательно, – поблагодарила мама.

– Нателл, а кто это? – вполголоса спросила она, как только Андо скрылся из виду.

– Не знаю, какой-то Андо, – пожала плечами я.

– Да... И я не знаю, – вздохнула мама, – наверное, жил у нас когда-то... Запомнишь разве всех?

Многие приезжали с гостинцами, которые в детстве не вызывали у меня абсолютно никакой радости. Подарки были разные. То соленая овечья брынза, которую я не ела по причине ее излишней солености, то обмазанная кусачим острым перцем бастурма, то совершенно каменные на вкус папины любимые конфеты «Грильяж», разгрызть которые у меня никак не получалось.

Женщины обычно привозили маме в подарок еще что-то по хозяйству. Помню, как однажды дальняя родственница торжественно вручила ей бумажный сверток размером с футбольный мяч и с горящим от гордости взглядом потребовала распаковать подарок немедленно. Судя по загадочно-счастливому выражению лица дарительницы, под бумагой должны были скрываться, как минимум, французские духи и еще кольцо с бриллиантом в довесок.

Мама, немного взволнованная и заинтригованная таким посылом, принялась снимать упаковку. Под первым слоем бумаги оказался второй, газетный, а за ним третий и даже четвертый. С каждым новым слоем газеты сверток заметно уменьшался, и надежда на французские духи таяла, но шанс обнаружить там коробочку с кольцом еще оставался. Наконец, последняя газета упала на пол, и в маминых руках блеснула новенькая, круглая металлическая губка для мытья кастрюль. Одна из тех, которыми можно соскрести с кастрюли налет любого возраста и происхождения. Родственница смотрела на маму, сияя, словно начищенная этой губкой сковорода, а мама растерянно улыбалась, не веря внезапно свалившемуся на нее счастью. На фоне

привычных фартуков, ручных кофемолок, традиционных кофеварок и прочих полезных штук металлическая губка бесспорно оказалась самым неожиданным подарком. Этот подарок и эту женщину мы тоже запомнили надолго.

Желающих погостить у нас всегда было много, и мне часто приходилось уступать свою комнату гостям, особенно первые лет пять-шесть. Мама размещала там гостей, а я переезжала в зал. Когда людей было сразу много, то они устраивались еще и в зале, и тогда я жила в родительской спальне, вместе с мамой и папой.

Изначально родительская спальня располагалась в самой маленькой комнате. Она была ближе всего к выходу и кухне, и, самое главное, это была единственная изолированная комната в квартире. Позже, когда родители купят себе немецкий спальный гарнитур, и он окажется слишком велик для их спальни, мне придется уступить им свою большую комнату, а пока что она числилась за мной.

В комнате было светло и уютно. Сразу у входа, по левой стороне, стояла «шведская стенка». Это такая лестница от пола до самого потолка, которая обычно используется для занятий спортом – там можно просто висеть, подтягиваться или качать пресс. У меня она использовалась для того, чтобы по ней лазать, вверх и вниз. Или залезть на самый верх и сидеть там под потолком, желательно в темноте, думать о привидениях и бояться.

Дальше вдоль стены стояла узкая односпальная кровать, застеленная простым хлопковым покрывалом бледно-зеленого цвета, а за ней, прямо у окна – Светкино черное пианино. Прямо напротив пианино стоял письменный стол с тремя ящиками, металлические ручки которых постоянно откручивались и звучно падали на пол. Поверхность стола была покрыта большим куском толстого стекла, а под ним были разложены разные важные штуки типа красивых открыток, Светкиных шпаргалок и старого расписания уроков. Чуть поодаль от письменного стола, у стены, стоял большой детский манеж. Покупали этот манеж для меня, чтобы мама могла спокойно заниматься делами, пока я в нем играю, но с самого первого дня что-то пошло не так: каждый раз, оказавшись в манеже, я поднимала такой крик, что маме проще было заниматься своими делами со мной на руках, чем выдерживать подобную психологическую атаку, и в итоге манеж превратился в ящик для игрушек.

Прямо напротив входа в комнату, между Светкиным пианино и письменным столом было большое окно с широким белым подоконником, зашторенное тонкими тюлевыми занавесками. На полу лежал безворсовый ковер зеленого цвета с бежевыми цветами. Я любила играть, сидя на этом ковре, со всех сторон обложившись предварительно вытряхнутыми из манежа игрушками. Вечером все пространство комнаты заполнялось раскладушками, матрасами, брошенными прямо на пол, и она целиком превращалась в большое спальное место.

В один из таких вечеров, когда все уже сытно поужинали маминой стиральной, вдоволь наговорились между собой и разбрелись по комнатам, я свернулась калачиком в родительской постели и мирно засопела. Было мне тогда года три или четыре, и меня называли лунатиком. Говорят, по ночам я часто вставала и ходила по квартире с закрытыми глазами, а наутро ничего не помнила. Так случилось и в тот вечер. И я, конечно же, снова ничего не помнила – эту историю мне рассказала мама.

Где-то окло полуночи я встала с кровати и вышла из комнаты. Мама, конечно, заметила, но спросонья решила, что я иду в туалет, и заснула. Проснулась через какое-то время, а меня нет. Пошла проверить туалет – нет. В ванной – тоже нет и на кухне нет. Входная дверь заперта на замок, значит, выйти я не могла. Дверь в зал плотно закрыта.

Мама, уже окончательно проснувшись и не на шутку разволновавшись, вернулась в комнату и стала будить папу:

– Гевуш, проснись, Нателлы нет!

– Как нет?! – подскочил на кровати папа.

– Нет, я уже везде посмотрела, нет ее нигде. Вроде бы в туалет пошла, но обратно не вернулась.

Папа в одних трусах выскочил из комнаты и включил в коридоре свет. Никого. Открыл дверь в туалет – никого, в ванной тоже пусто, и на кухне нет. Окна закрыты, входная дверь заперта. Папа метнулся в сторону зала. Дверь в зал была плотно закрыта, а из-за двери доносился монотонный дедушкин храп. Папа вошел в зал. Темно. Все спят. В зале, кроме дедушки, ночевали еще двое посторонних мужчин.

– Пап, пап, проснись, – мужчина подошел к мирно посапывающему на диване отцу.

– Что случилось? – встрепенулся тот.

– Нателла пропала, она сюда не заходила?

– Как пропала? Куда пропала, ай мард? (*от арм.* – «человек», фраза «ай мард» обычно выражает возмущение)

– Пошла в туалет, и нет ее...

– Вааай, – заволновался дед, – включай свет, посмотрим!

Папа включил в зале свет. На раскладушках заворочались сонные мужчины:

– Что случилось?

– Ребенок пропал, ищем.

Мужчины тут же проснулись и присоединились к поискам. В зале ребенка не оказалось. За шторами – никого, дверь на балкон закрыта на шпингалет. Оставалась еще одна комната, в которой спали трое мужчин. Дверь в комнату была плотно закрыта, но других вариантов не оставалось, надо было проверить и там. Папа открыл дверь и включил свет.

– У нас ребенок пропал, – сразу сообщил папа, не дожидаясь вопросов, – нет ее здесь?

– Как пропал? Нет, никакого ребенка здесь нет, мы спим давно.

Папа с дедом переглянулись и двинулись к окну. Окно было зашторено и закрыто. Никого. Заглянули под кровати и раскладушки, тоже пусто. Куда могла пропасть?

И тут один из мужчин, спавший как раз в моей кровати, вдруг встрепенулся:

– Ой, тут у меня под ногами кто-то есть, – и одернул одеяло.

Под одеялом, свернувшись калачиком на самом краю, с той стороны, которая служила мне обычно изголовьем, мирно сопела я. Пятеро изумленных мужчин смотрели на маленькую девочку и еле сдерживали смех, чтобы не разбудить и не напугать ребенка посреди ночи.

Папа взял меня на руки, и я проснулась. Конечно же, я не поняла, как оказалась в ночи в этой комнате, почему там горел свет и зачем собрались все эти люди, но история моего побега долго еще веселила всех родных и друзей своим закрученным сюжетом и неожиданной развязкой.

Зато с тех пор в нашем доме стало меньше гостей. Родственники, конечно, по-прежнему приезжали, но посторонних людей папа старался селить в гостинице.

Знала бы, что так просто решается этот вопрос, с первого дня бы к гостям в гости навела.

Глава 11. Серьезное путешествие

Однажды на семейном совете, состоявшем из папы и немножко из Таты Риммы, принявшей в нем участие по телефону, решено было отправить нас с мамой в гости в Ереван. Понятное дело, что одну маму с четырехлетним ребенком папа куда-то отпускать не собирался, поэтому с нами должен был лететь папин брат Ашот.

В назначенный день мама разбудила меня посреди ночи и начала поспешно одевать. Почему-то в дорогу мы всегда выезжали посреди ночи, исключений из этого правила не было. Сумки наши уже стояли у порога, мама была одета и даже покрашена, оставалось собрать только меня, и можно было отправляться в путь.

Мы уселись в машину и долго, очень долго ехали в темноте. Я то засыпала, то просыпалась снова, а утро все не наступало. Наконец машина остановилась у здания аэропорта. На улице уже давно рассвело, но утро было прохладным. После долгой поездки на машине меня немного мутило и хотелось горячего чаю. В детстве чай был моим основным напитком – в меру теплый, в меру сладкий и непременно процеженный через сито, чтоб ни один листочек заварки ни в коем случае не попал в чашку. Мама пообещала напоить меня чаем, как только мы решим вопрос с билетами. Да, билеты нам предстояло купить прямо в аэропорту.

Папа с Ашотом достали из багажника две тяжелые коричневые сумки с серой надписью «Урарту», и мы вошли в здание аэропорта.

Это был огромных размеров зал, заполненный сновавшими туда-сюда людьми с чемоданами, дорожными сумками, рюкзаками и котомками. Несмотря на утренние часы, здесь было полутемно и поэтому как-то особенно мрачно. За длинной стойкой в дальнем конце зала сидели девушки в темно-синей форме с блестящей брошью в виде самолетика на лацканах. У стойки собралась длинная очередь, в самый конец которой встал наш Ашот, пока папа с мамой искали удобное место, чтоб разместить багаж и усесться самим.

– Здравствуйте! Нам, пожалуйста, два взрослых и один детский на Ереван, ближайшим рейсом, – улыбнулся девушке Ашот, подойдя к стойке.

– Молодой человек, билетов на Ереван нет, осталась пара мест на завтра, – металлическим голосом отчеканила девушка, не отрывая взгляда от своих записей.

– А, может быть, найдете, девушка? Нам очень нужно! У нас ребенок маленький, мы до завтра не сможем подождать, – бархатным голосом продолжал Ашот.

Девушка подняла глаза и громко вздохнула:

– Молодой человек, билетов нет! Совсем нет! Извините, ничем не могу Вам помочь.

Следующим разговаривать с девушкой пошел папа. Он оказался более настойчивым: девушка все же отвлеклась от своих записей и включилась в разговор. Через минуту она уже звонила кому-то по телефону, потом встала, наклонилась к окошку и что-то вполголоса объяснила папе. Когда папа направился в нашу сторону, мы сразу поняли по его глазам: «Летим!».

– Нужно будет подойти к окончанию посадки, – сообщил папа, – они найдут места.

– Ну, ты поезжай тогда, Гевуш, еще два часа ждать до посадки, – предложила мама.

– Да нет, я побуду с вами, мало ли, – возразил папа.

– Я же здесь, – заверил брата Ашот: – Поезжай! Мы улетим, все нормально будет.

Позвоню тебе потом.

– Точно? – засомневался папа.

– Да точно, точно, поезжай! Все хорошо будет! – настаивал Ашот.

– Хорошо! Только сразу позвоните! Сразу! Как только билет купите, сразу позвоните! – наказал папа.

Папа взял меня на руки, поцеловал, обнял маму, пожал брату руку, пожелал нам хорошей дороги и двинулся к выходу.

– Мам, я чай хочу! Ты забыла? – обиженно заскулила я, едва папа скрылся из виду.

– Ой, точно же, чай! Ашот, пойдем возьмем ребенку чаю, – позвала мама, и мы втроем направились в буфет.

Желающих выпить чаю и съесть бутерброд с сыром оказалось немало: в буфете было полно народу. Наконец, очередь дошла до нас. Полноватая женщина в белой рубашке с рюшами, белом кружавчатом фартуке и таком же кружавчатом головном уборе, из-под которого виднелись ее выкрашенные в огненно-рыжий цвет и собранные в тонкий пучок волосы, поставила на поднос стеклянный стакан с чаем в металлическом подстаканнике, тарелку с бутербродом и высыпала на прилавок горсть монет – сдачу. Ярко-красный лак на ее коротко подстриженных ногтях уже давно облупился и смотрелся весьма нелепо, как и красная помада на ее тонких губах, нанесенная явно наспех и скорее всего без зеркала.

– Проходим, проходим, не задерживаем очередь, – бойко заголосила буфетчица, – проходим! Следующий, пожалуйста!

– Ну, вот и чай, – как-то особенно торжественно объявила мама, поставив поднос на буфетный столик.

– ЭТО? ЧАЙ? – на всякий случай уточнила я и, не дожидаясь ответа, завопила на весь буфет истошным голосом: – НЕ БУДУУУ Я ЧАЙ С ЧЕРВЯКАМИ! НЕ БУДУУУ!

– Нателла, успокойся, доченька, – попыталась замять проблему мама, – это не червяки, это же заварка такая, листочки. Я сейчас все вытащу ложечкой, и попьешь.

– Червяки! ЭТО ЧЕРВЯКИ! – не унималась я, – уберите чай с червяками! Я не буду с червяками!

Жизнь буфета приостановилась. Все посетители смотрели на нас и ждали продолжения этого представления. Даже рыжая буфетчица, вытянув шею, пыталась сквозь толпу разглядеть источник шума. Обычно застенчивый на людях, Ашот не привык к такому всеобщему вниманию к своей персоне и, неожиданно оказавшись в эпицентре не самых приятных событий, густо покраснел.

– Альфия, Альфия, – сбивчиво зашептал он, – вот, возьми деньги, если нужно будет еще, я подожду вас там... ну... в зале ожидания, – и протянув маме красный хрустящий червонец, выскочил из буфета.

Конечно, чаю я так и не попила. Еще чего, с червяками! Да и цвет какой-то подозрительно темный, совсем не как дома. И стакан этот странный, в какой-то железяке... В общем ушли мы с мамой из буфета с завернутым в салфеточку бутербродом и в расстроенных чувствах.

Устроились в зале ожидания, я перекусила и мирно засопела у мамы на коленях. Вскоре объявили посадку на рейс, и у стойки, где продавали билеты, выстроилась целая очередь желающих улететь. Мама с Ашотом переглянулись: шансы купить билет при такой очереди стремились к нулю.

– Нателла, просыпайся, доченька, – шепнула мне на ухо мама, – просыпайся, нам лететь пора!

– Подожди, пусть поспит еще, я пойду пока в очередь встану, тут долго придется ждать, – предложил Ашот.

– Нет, так мы точно не улетим, – возразила ему мама и снова повернулась ко мне, – Нателла, плачь! Громко плачь! Как можно громче, доченька! Плачь, а то билетов нам не достанется, не полетим к Тате Римме.

Стоило ли меня уговаривать? После бессонной ночи, многочасовой тряски в машине, после чая с червяками, в конце концов? После этого полусна на неудобной скамейке в зале ожидания? Конечно, нет! Я с преогромным удовольствием разразилась криком на весь аэропорт, выплеснув наружу все свои обиды, прошлые, настоящие и даже будущие.

Мама схватила меня на руки и пошла вставать в очередь. На наше счастье, я была единственным ребенком в очереди, и потому спешившие на родину армяне стали расступаться: «Женщину с ребенком пропустите без очереди! Проходите, женщина, проходите вперед! Девушка, обслужите эту женщину, пожалуйста, у нее ребенок плачет, тяжело в аэропорту с ребенком сидеть! Пусть летят, пожалуйста!». И мы полетели.

В салоне самолета было тесно и шумно. К моему счастью, бензином там не пахло, но был какой-то другой незнакомый запах, который, как оказалось позднее, действовал на меня ничуть не лучше бензина.

Мы с мамой уселись у окошка, Ашот – у прохода. Все места уже были заняты, но поток людей не останавливался. Они устраивались в проходах: кто-то усаживался на чемодан, кто-то стоял, держась за ручки багажных отсеков над сиденьями, прямо как в автобусе. Наконец, когда салон самолета был заполнен людьми до отказа, девушка-стюардесса объявила в микрофон, что посадка окончена. Нам раздали карамельки и бумажные мешки на случай, если затошнит, и самолет тронулся в путь.

Это был мой первый полет. Взлетать было непривычно и даже немного страшно, но мама так крепко меня обнимала и облака в окошке были такими красивыми, что страх быстро улетучился. Город под нами становился все меньше и меньше, а вскоре и вовсе пропал из виду. Со временем вместо белых пушистых облаков в форме зайчиков, мишек и слоников по ту сторону иллюминатора осталась только одна сплошная серость, усиленно вглядываясь в которую я незаметно заснула.

Проснулась от внезапно зазвучавшего из динамиков голоса, объявлявшего, что самолет приступил к снижению. Снижение было долгим и мучительным. Мне противно, до боли закладывало уши, меня тошнило и мутило от этого запаха «не-бензина», смешанного с запахом табачного дыма, струившегося со стороны туалетных комнат, над которыми зачем-то красовалась табличка «Не курить!», я усиленно рассасывала выданную мне мятную карамельку, зарывалась лицом в мамин шарф, беззвучно плакала и хотела домой, когда знакомый голос стюардессы объявил, что самолет произвел посадку в аэропорту «Звартноц» города Ереван.

Несмотря на просьбу стюардессы оставаться на своих местах до полной остановки самолета, все сидевшие пассажиры, едва заметив первые признаки снижения, дружно отстегнулись, начали вытаскивать из багажных отсеков свои сумки и шумно протискиваться к выходам. Мы выходили из самолета последними. Глоток свежего армянского воздуха на трапе самолета сразу вернул меня в чувство. Ура, мы в Ереване!

Глава 12. Ереван

В аэропорту Еревана былолюдно и шумно. Прибывавшие из разных городов люди скапливались в зале выдачи багажа. Там по длинным транспортным лентам неспешно плыли чемоданы, сумки и даже коробки. Люди толпились у лент и жадно всматривались в эту багажную реку в надежде увидеть там знакомые формы и вовремя выловить свое.

Наши коричневые сумки с серой надписью «Урарту» прибыли в числе первых, и мы радостно вышли из зала. Подошли к лестнице, ведущей вниз, встали на первую ступеньку, и, к моему огромному удивлению и восторгу, лестница поехала сама. Мама стала объяснять, что это никакая не лестница, а эскалатор, но я уже ее не слушала – я замороженно смотрела сквозь высокие стеклянные перила вниз, на толпу людей, и мечтала, чтобы эта лестница-эскалатор везла нас как можно дольше.

Через пару мгновений мы были внизу. Здесь уже собрались встречающие – это были целые семьи, ожидавшие своих родных, друзей или просто знакомых с цветами, с подарками, с угощениями. Среди них была и наша Тата Римма. Она увидела нас издалека, и ее большие карие глаза засветились от счастья. Волнистые волосы Таты Риммы были аккуратно уложены, губы накрашены. В черном кожаном пиджаке, бежевой шелковой блузе и прямой черной юбке, она выглядела очень эффектно. В руках ее была большая красивая плетеная корзина.

– Тата Риммаааа! – бросилась я к бабушке, ловко спрыгнув с последней ступеньки эскалатора.

– Джана-аа (*арм.* ласковое обращение)! – радостно закричала Тата Римма, поставила свою корзину на пол, взяла меня на руки и крепко обняла, – красавица моя, как я по тебе соскучилась!

Бабушка по очереди обняла маму и Ашота, и мы направились к выходу.

– А на чем мы поедем домой, тат? – спросила по дороге я, – не на машине?

– Нет, джана, на такси, – успокоила меня Тата Римма.

Вскоре я узнала, что такси – это все-таки машина и что бензином там пахнет еще похуже, чем в папиной «Ниве», но все вокруг было таким новым и интересным, что дорогу я перенесла хорошо. Оказалось, что в корзине, с которой Тата Римма встречала нас в аэропорту, были вкуснейшие фрукты – желтые бархатные персики с розовым бочком, толстенькие зеленые груши и крупный виноград, сквозь тонкую кожицу которого проглядывались темные зернышки. Когда бабушка открыла корзину и надрезала для меня персик, его аромат разлился по салону машины и даже волшебным образом затмил ненавистный запах бензина.

За фруктами и разговорами время в дороге прошло быстро. Скрипнув тормозами, машина такси свернула с основной дороги во двор и остановилась у подъезда. Тата Римма жила в пятиэтажном доме из серого туфа, совсем не похожем на те дома, к которым я привыкла в Менделеевске. Вместо наших малюсеньких балконов, ширина которых едва достигала метра, здесь это были целые комнаты, застекленные и утепленные. Бабушка называла их «шушабанд» (*прим. авт.* комната, созданная в результате застекления балкона). Белье здесь сушили на длинных веревках, тянущихся от окна шушабанда до высоченного столба, стоявшего аж в соседнем дворе. Веревки ездили по роликам, один из которых крепился к столбу, а второй – к внешней стене дома, прямо под окном каждой квартиры, – крутишь ролик, и белье твое уезжает на самую середину двора. Вместо привычных мне вишневых и малиновых кустов во дворе бабушкиного дома стояли высокие деревья, укрывавшие двор от палящих лучей летнего солнца, а с другой стороны дома раскинулась невероятной красоты густая виноградная лоза.

Едва мы вышли из машины, к нам со всех сторон стали подходить соседи Таты Риммы. Они по очереди обнимали Ашота и маму, щипали за щеки меня. Я уже привыкла к такому оригинальному проявлению любви со стороны своих армянских родственников, поэтому держалась стойко, хотя и не могла скрыть сурового взгляда из-под насупленных черных бровей.

– Ашот-джан, как хорошо, что приехал! Какой взрослый стал! Совсем мужчина! – радовалась встрече пожилая женщина из соседнего подъезда.

– Альфия-джан, добро пожаловать к нам, в Ереван, невестка-джан! – хлопала маму по плечу соседка из квартиры напротив.

– Вай, что за красавица к нам приехала! – качала головой бабушкина подруга тетя Лена, – и гладила меня по растрепавшимся в дороге косичкам.

– Ну, пойдете домой, – позвала Тата Римма, – еще поговорите, наши гости должны хорошо отдохнуть с дороги.

Мы поднялись на второй этаж. Первая дверь направо, белая, резная, с золотистой круглой ручкой, вела в бабушкину квартиру. Изначально это была двухкомнатная квартира, но, благодаря шушабанду, в ней появились еще дополнительная спальня и просторная столовая. Прямо по коридору был зал, слева от которого располагалась бабушкина спальня, а справа – маленькая спальня-шушабанд. Тата Римма предложила маме поселиться в своей просторной спальне, а сама переехала в шушабанд и позвала с собой меня: «Пусть мама отдыхает, поспишь у меня? Я тебе буду сказки перед сном рассказывать».

Я сразу согласилась – мне нравилось огромное окно в шушабанде, а еще больше меня привлекала перспектива слушать бабушкины сказки на ночь.

Пока мы умывались с дороги, распаковывали сумки и переодевались в домашнее, бабушка накрыла на стол: на тяжелой чугунной сковороде шкворчала мелкая картошка, поджаренная в масле до румяного цвета целиком, прямо в тонкой шкурке, на белой овальной тарелке дымилась целая гора жареных баклажанов, присыпанных мелкой зеленью кинзы. Если бы не их продолговатая форма, они были бы похожи на оладьи. Здесь же стояла большая тарелка с нарезанными крупными ломтями сочными мясистыми помидорами, гладкими армянскими огурчиками, свежей зеленью кинзы и красного базилика (рейгана), тарелка с двумя видами сыра – соленым чанахом для взрослых и нежным чечилом для меня, и, конечно, хлеб – свежайшие армянский лаваш и грузинский пури, купленные в ближайшей хлебной лавке. Аромат в столовой стоял такой, что у меня потекли слюнки, как только я вошла. Хорошо подкрепившись и выпив чаю (который мама приготовила особенно старательно, чтобы сгладить мои утренние впечатления) с домашним вареньем из грецких орехов, полюбившимся мне с первой ложки и на всю жизнь, я сладко заснула на тахте под оживленные разговоры взрослых.

Тахта, накрытая старым покрывалом, с выбитым на нем национальным орнаментом, стояла прямо у огромного окна со старыми деревянными рамами. Она была довольно жесткой, но сидеть и даже лежать на ней было удивительно комфортно. Позже эта тахта станет моим самым любимым местом в квартире: отсюда я буду часами наблюдать из окна за жизнью бабушкиного двора. Буду смотреть, как сосед с любовью до блеска начищает свой выдавший виды белый «Москвич», как женщины выносят на ровную забетонированную площадку ковры и моют их сначала мыльной водой, а потом тщательно поливают из шланга и оставляют сушиться здесь же, под солнцем, как развешивают белье на длинных тросах, как мужчины в уютной беседке стучат костями о деревянную доску, играя в нарды, как мальчишки гоняют в футбол, а девчонки – прыгают в резинки, как приходит уличный торговец, останавливается посреди двора, и кричит, задрвав голову: «Жавел, жавел, жавели спирт! Жавеел, жавеел, жавели спирт!» (*прим. авт.* жавелем в Армении называли отбеливатель).

Проснулась я только утром, в мягкой постели, заботливо устроенной для меня Татой Риммой в спальне-шушабанде. Сквозь тонкую ткань желтых занавесок в комнату пробивались лучики утреннего солнца. В приоткрытое окно дул теплый ветерок, заносивший с собой

в комнату мягкий аромат кофе, с которого все соседи начинали каждый свой день. Обстановка в комнате была совсем простая: огромная кровать во всю ширину да старый невысокий шкаф, потертый и давно выгоревший от солнца. На шкафу аккуратной стопкой были сложены папины детские энциклопедии в кожаном переплете – предмет моих мечтаний, и теннисная ракетка, тоже папина. В комнате было чисто и уютно.

Судя по негромким голосам и умопомрачительным ароматам, доносившимся из столовой, мама с Татой Риммой были уже на ногах.

Я скинула одеяло, прыгнула с кровати, торопливо оделась в висевшее на спинке стула летнее платье, и побежала на кухню, босиком по вытертому с годами паркету «елочкой».

– Ахчи (*арм.* разг. обращение к девочке), – улыбнулась бабушка, увидев меня в дверях, – ну как ты? Хорошо спала?

– Хорошо, – ответила я, – только я голодная! И чаю хочу!

– Иди умывайся, садись за стол, поешь, и поедешь со мной на работу.

– На рабооооту? – обрадовалась я.

– Да! Мама сегодня разберет чемоданы, отдохнет, а мы поедем. Только быстро, нам уже нужно выходить, – предупредила Тата Римма.

Я бегом заскочила в ванную, выкрутила кран с холодной водой, умылась, вытерлась мягким белым полотенцем в голубую клетку, переплела косички потуже и отправилась завтракать.

На завтрак была бабушкина яичница с помидорами, соленый сыр, хлеб, свежие огурцы и помидоры, зелень и мацун с медом. Мама отломил для меня кусочек свежего, еще теплого хлеба-матнакаша, уложила в него ломтик сыра, дольку ярко-красного мясистого помидора. Хотя дома я была равнодушна к яичнице, но там, у Таты Риммы, она показалась мне невероятно вкусной вприкуску с маминым бутербродом. А как хорош был свежий мацун, подслащенный ложкой ароматного меда! Вдоволь наевшись и выпив кружку теплого чаю, я была готова выезжать.

Тата Римма, в темно-коричневом платье с тонкими белыми разводами и в черных кожаных босоножках на плоской подошве, стояла у окна с маленькой черной пудреницей в руках и красила губы. От нее приятно пахло духами.

– Поехали? – позвала бабушка.

– Поехали, – радостно подпрыгнула я и побежала в коридор, надевать свои сандалии.

На этот раз мне предстояло познакомиться с новым видом транспорта, с маршруткой. Маршруткой назывался такой малюсенький пузатый автобус, в котором пассажиров умещалось куда больше, чем в машине, но значительно меньше, чем в обычном автобусе. А еще там было очень тесно: пассажиры перемещались по маршрутке, согнувшись в три погибели, и сидели, плотно прижавшись друг к другу. Бензином там тоже пахло похлеще, чем в папиной «Ниве», но я терпела. Все же не каждый день бабушка берет тебя с собой на работу.

Работала Тата Римма в огромном здании управления Ереванской обувной фабрики. В плановом отделе. Помимо нее в отделе работало еще несколько женщин. Встречали меня всем отделом. Встречали тепло, угощали конфетами и печеньем, расспрашивали о жизни в далеком Менделеевске и понравился ли мне Ереван. Отвечала я односложно: с незнакомыми людьми я всегда вела себя подчеркнуто строго, даже сурово, отвечала нехотя, чтобы не давать лишнего повода для продолжения разговора. За эту особенность характера и за любовь к нравочениям, которые я с удовольствием раздавала маме и бабушкам, близкие называли меня «свекровкой». Внешность моя тоже прекрасно вписывалась в сложившийся образ – серьезный недоверчивый взгляд и сраставшиеся на переносице черные брови создавали выражение вечного недовольства на моем лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.